

# САМОИСТРЕБЛЕНІЕ.

Проявленія аскетизма и фанатизма въ расколѣ.

(Очерки, аналогіи, параллели).

## I.

### Кровавая драма.

Въ 1847 году, въ Пермской губерніи, за рѣкой Камой, въ глухомъ Висемскомъ лѣсу произошла страшная, раздирающая сердце, кровавая драма. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой драмѣ является крѣпостной крестьянинъ графини Строгоновой, Петръ Холкинъ.

Холкинъ былъ грамотѣй, т.-е. зналъ грамоту, умѣлъ и любилъ читать. Не трудно угадать, какія именно книги могли обращаться въ то время въ народной средѣ и, притомъ, въ такомъ захолустьѣ, какъ Пермская губернія. Это были книги «священнаго писанія»; ихъ-то и читалъ Холкинъ. И эти книги, по его собственнымъ словамъ, зародили въ немъ желаніе — «идти на спасеніе». Въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1842 по 1847 годъ, Холкинъ хотя и занимался работами, и жилъ въ людяхъ, но постоянно думалъ о томъ, «какъ бы удалиться отъ міра», «какъ бы спасти свою душу».

Изъ бесѣдъ съ разными людьми онъ узналъ, что есть душеполезная книга *Житіе св. Ефрема Сирина*, въ которой описываются «последнія времена». Страстно захотѣлось ему приобрести эту книгу. Но тутъ онъ вскорѣ заболѣлъ и во время болѣзни «началъ чувствовать въ себѣ какой-то страхъ». Желаніе

читать священныя книги еще болѣе усилилось. Наконецъ, въ июнѣ мѣсяцѣ 1847 года Холкину удалось приобрести *Житіе св. Ефрема Сириня* за сто двадцать рублей ассигнаціями.

Съ жадностью принялся онъ за чтеніе. Вниманіе его особенно приковали «слова» 102-е и 105-е. Въ первомъ изъ нихъ сказано: «Сей день на умѣ имущи вси святїи оставите все житіе благое, домы и богатство, рабы и други и братїи, родители и чада, овцы и волы и кони, веселіе, бани, лики, кличи, свары и суды и все оставляше бѣжаша въ пустыни и въ горы и въ пропасти земныя». «Алчуще и жаждуще да не постыдятся въ той часъ не мужи убо едины, но и жены, иже тѣсный и скорбный путь возлюбльше, похотиша царство небесное».

Въ словѣ 105-мъ онъ читалъ: «Егда узришь весь міръ смущенъ и когждѣ бѣжаша скрытися въ горахъ и овыхъ голодомъ умирающа, иныхъ жаждою истощающа яко воскъ и не будетъ избавляющаго, и егда узришь лица слезно всѣмъ и любовію вопрошающа, есть ли гдѣ слово Божіе, и не будетъ его слышати нигдѣ же».

Всѣ эти изреченія Холкинъ понялъ по-своему, «превратно», и пришелъ къ убѣжденію, что «настали послѣднія времена». Въ этой мысли еще болѣе укрѣпляли его разныя печальныя явленія тогдашней, современной ему жизни. Онъ давно уже задумывался надъ тѣмъ, что происходило предъ его глазами. Его смущала нравственная распущенность, замѣчаемая имъ въ народѣ, особенно же «безчинные браки». Еще болѣе смущали его тѣ мѣры, которыя предпринимались въ то время мѣстными властями съ цѣлью удержать населеніе въ лонѣ господствующей церкви.

Съ этой стороны, сороковые годы, какъ извѣстно, получили весьма печальную извѣстность. Въ Пермской губерніи, на примѣръ, мѣстное начальство насильно понуждало населеніе къ исполненію христіанскихъ обязанностей. Такъ, по увѣренію Холкина, ильинское правленіе предписало штрафовать по два и по три рубля того, кто не будетъ бывать на исповѣди.

Все это еще болѣе укрѣпило Холкина въ мысли, что для спасенія души не остается ничего больше, какъ удалиться въ лѣса и тамъ умереть такъ или иначе. Оставаться болѣе въ мірѣ невозможно, такъ какъ очевидно, что весь этотъ міръ подпалъ подъ власть антихриста и его слугъ.

Холкинъ не скрывалъ своихъ взглядовъ и вѣрованій отъ родныхъ и знакомыхъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ вполнѣ

раздѣляли его думы о наступленіи послѣдняго времени, о томъ, что антихристъ уже пришелъ на землю и покорилъ своей нечистой власти весь міръ, все живое. Родная мать Холкина, Настасья, братъ Андрей, сноха Афимья и дядя Николай Поспѣловъ были первыми послѣдователями его ученія. Затѣмъ къ нимъ примкнули: крестьянинъ Ѳедоръ Алферовъ, Степанъ и Козьма Поспѣловы, ихъ сестра Александра и крестьянинъ Прокофій Алферовъ съ женой.

Почти всѣ эти люди вполне согласились съ Холкинымъ, что долѣе жить въ мірѣ невозможно, не рискуя навѣки погубить свои души, и что единственное средство «спастись» состоитъ въ томъ, чтобы бѣжать въ лѣса и тамъ умереть, запостившись до смерти.

Днемъ побѣга «въ лѣса» было назначено 19 августа 1847 года. Но при этомъ встрѣтилось одно обстоятельство, которое могло помѣшать удачному побѣгу. Дѣло въ томъ, что у брата Холкина, Андрея, была шестимѣсячная дочь, Дарья, которая своимъ плачемъ могла, на первыхъ же порахъ, обнаружить ихъ побѣгъ. Какъ тутъ быть? Петръ Холкинъ доказываетъ необходимость убить малютку; отецъ несчастнаго ребенка ни мало не протестуетъ противъ этого; тогда Холкинъ зарѣзываетъ малютку и тѣло его прячетъ въ голбець. «Совершивъ это варварское убійство, повидимому, совершенно хладнокровно, Петръ съ товарищами и со всѣми дѣтьми ихъ, въ числѣ 19 человекъ, переплыли Каму въ заранѣе приготовленной лодкѣ и направились въ Висемскій лѣсъ».

Первые два дня пребыванія въ лѣсу мужчины занялись отыскиваніемъ удобнаго мѣста для устройства шатра или «вертепа», какъ говорилъ Холкинъ. Женщины же, по приказанію Холкина, шили изъ бѣлаго холста «смертныя рубахи». Козьма Поспѣловъ дѣлалъ крестики изъ еловаго, пихтоваго и рябиноваго дерева. Эти люди вѣрили почему-то, что Христосъ былъ распятъ на крестѣ, сдѣланномъ изъ этихъ трехъ породъ дерева. Самъ же Петръ Холкинъ читалъ Ефрема Сирина и поучалъ иставлялъ своихъ послѣдователей.

«Нынѣ, — говорилъ онъ, — настали послѣднія времена, народился антихристъ и ходитъ по свѣту. Христіанину для спасенія души остается одно: бѣжать въ лѣса и вертепы, засыпаться пескомъ и пепломъ, замирать голодомъ и жаждою».

На третій день были окончены работы по устройству «вер-

тепа», послѣ чего Петръ ввелъ въ него Константина Баженина, всѣхъ дѣтей Прокофья Алферова, а также своихъ; затѣмъ онъ одѣлъ всѣхъ въ заранѣе приготовленные «смертныя рубахи», остригъ головы и повѣсилъ каждому сдѣланные Козьмою деревянные крестики. Въ такомъ видѣ онъ выстроилъ ихъ всѣхъ въ рядъ лицомъ въ помянутую сторону и приказалъ имъ плюнуть три раза и произнести: «отрекаюсь всѣхъ сатанинскихъ дѣлъ!»

По совершеніи этого обряда, Петръ обратился къ бывшимъ въ вертепѣ съ слѣдующими словами:

— Теперь вы отреклись всѣхъ сатанинскихъ дѣлъ... осуждаетесь на голодную смерть... не просите ни хлѣба, ни воды... прощитите двѣнадцать дней—и будете въ царствіи небесномъ.

Вслѣдъ за этимъ всѣмъ осужденнымъ было приказано лечь на землю и творить Иисусову молитву. При этомъ имъ было строго запрещено умываться, на основаніи 106-го слова св. Ефрема Сирина: «Сего пути шествіе суть сія: покаяніе, постъ, молитва смиренная, бдѣніе, мудрость, нищета духовная, нерадѣніе о плоти, прилежаніе о душѣ, на землѣ лежаніе, *немзмовеніе*».

Цѣлые четыре дня Баженинъ прожилъ безъ всякой пищи и питья; дѣтямъ же, по приказанію Петра, давали понемногу хлѣба. Мучительный голодъ страшно ослабилъ силы Баженина: онъ палъ духомъ, говорилъ, что отрекается отъ ученія и просилъ отпустить его домой. Но Петръ Холкинъ, его братъ Андрей и Федоръ Алферовъ угрожали отсѣчь ему голову на плахѣ, если онъ попытается уйти.

Мученія голода, плачъ малолѣтнихъ дѣтей, просившихъ хлѣба и питья у своихъ матерей, привели Баженина въ отчаяніе, и онъ рѣшился бѣжать во что бы то ни стало. Ему удалось исполнить это съ помощію одного изъ караулившихъ его, Прокофья Алферова, который самъ также задумалъ бѣжать, такъ какъ считалъ себя обманутымъ Холкинымъ. Дѣло въ томъ, что Холкинъ, убѣждая Алферова уйти съ нимъ въ лѣсъ, въ пещеры, для спасенія души, увѣрялъ его, что пищу, какъ для нихъ, такъ и для дѣтей, будетъ посылать имъ самъ Богъ и что объ этомъ будто бы прямо сказано въ книгѣ св. Ефрема. Теперь же, томимый голодомъ и жаждою, Алферовъ ясно видѣлъ, что Холкинъ жестоко обманулъ его.

Дѣти, обреченныя на смерть вмѣстѣ съ Баженинымъ, пришли, наконецъ, въ крайнее истощеніе. Несчастныя плакали и просили матерей своихъ дать имъ хотя одну каплю воды. Жа-

лобные стоны ихъ и крики раздирали душу даже тѣхъ, которые сами обрекли ихъ на смерть. Прокофій Алферовъ, видя страшныя страданія дѣтей, нѣсколько разъ бросался въ ноги тестю своему, Николаю Алферову, и умолялъ его пощадить и пожалѣть дѣтей.

Но Петръ былъ неумолимъ; застывшее въ фанатизмъ сердце его не трогалось ни просьбами, ни мольбами, ни страданіями. Сурово отказывалъ онъ въ пищѣ и питьѣ всѣмъ, «поставленнымъ на постъ и смерть». Дѣти, корчась на землѣ въ судорогахъ отъ голода и истощенія, сосали траву, ѣли папоротникъ, глотали песокъ.

Самъ же Петръ ѣлъ кашу и понемногу давалъ хлѣба другимъ, еще не поставленнымъ на постъ, объясняя это тѣмъ, что «вдругъ всѣхъ поставить нельзя».

Первымъ бѣжалъ Баженинъ, а вслѣдъ за нимъ ушелъ и Прокофій Алферовъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Обстоятельство это не могло, конечно, не обезпokoить Петра Холкина. Опасаясь преслѣдованія, онъ рѣшилъ скрыться глубже въ лѣсъ вмѣстѣ со всѣми приверженцами, оставшимися вѣрными ему. Но тутъ помѣхою явились дѣти, «поставленные на постъ»: они были такъ изнурены, что не могли уже двигаться.

Петръ рѣшилъ покончить съ ними. Взявъ книгу, онъ прочелъ: «Егда время придетъ, тогда страждетъ кровію за Христа имени Его ради». А затѣмъ обратился къ умирающимъ отъ голода дѣтямъ съ вопросомъ:

— Желаете ли смерти?

Измученныя дѣти съ плачемъ отвѣчали: «желаемъ».

Тогда Петръ Холкинъ, Козьма Поспѣловъ и Николай Агѣевъ взяли дѣтей на руки, снесли ихъ за вертепъ и тамъ однихъ зарубили топоромъ, а другихъ зарѣзали ножомъ.

При этомъ Козьмѣ пришлось убивать своего роднаго брата Степана; рука его дрогнула, онъ весь задрожалъ и не рѣшался нанести удара. Но тутъ подоспѣлъ Петръ и началъ увѣрять его, что «по писанію предлежитъ именно ему, Козьмѣ, пролить кровь брата его Степана». Убѣжденія подѣйствовали, и Козьма зарѣзалъ брата... Тѣла были зарыты. Надо было спѣшить скрыться отъ погони.

На новомъ мѣстѣ построили новый вертепъ. Здѣсь Петръ назначилъ на постъ и голодную смерть: свою мать Настасью, сноху Афимью и сестру Александру. Вновь поставленные про-

были безъ всякой пищи въ теченіе четырехъ дней; Петръ же и другіе его сообщники, попрежнему, ѣли въ это время хлѣбъ и кашу.

На пятый день, совершенно неожиданно, вдругъ слышались въ лѣсу голоса понятыхъ, разыскивавшихъ бѣглецовъ. Петръ, встревоженный этимъ и опасаясь, что ихъ могутъ найти, предложилъ поставленнымъ на постъ женщинамъ «пролить кровь свою за Христа», на что всѣ онѣ «добровольно согласились».

Тогда всѣ начали молиться Богу, плакать и прощаться другъ съ другомъ. Затѣмъ Петръ и братъ его Андрей взяли свою родную мать подъ руки, вывели изъ вертепа, положили на землю, на плаху, а Ѳедоръ Алферовъ засѣкъ ее топоромъ.

Такую же смерть приняли Афімья и Александра отъ руки самого Холкина. Такимъ образомъ, въ живыхъ остались четверо: два брата Холкиныхъ, Петръ и Андрей, Козьма Поспѣловъ и Ѳедоръ Алферовъ. Покончивши съ женщинами, они отравились въ глубь лѣса, съ цѣлью «выбрать поудобнѣе мѣсто» и тамъ «умереть за Христа». Однако, имъ не пришлось привести это въ исполненіе: «изъ сожалѣнія къ людямъ, которые ихъ безъ толку разыскивали, они рѣшились возвратиться домой и отдаться въ руки правосудія». Дорогой они были пойманы понятыми и приведены въ село Филатовское. Ихъ судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ въ Сибири.

Розыски въ лѣсу указали мѣста вертеповъ и могилъ убитыхъ дѣтей и женщинъ. Первый вертепъ найденъ въ Висемскомъ лѣсу, въ 9 верстахъ отъ рѣки Камы. Вертепъ былъ устроенъ на землѣ, покрытѣ «ослѣдничнымъ» лѣсомъ и засыпанъ пескомъ; на правой сторонѣ, при входѣ, устроена земляная печь, на полу разбросанъ напоротникъ. Въ десяти сажняхъ отъ вертепа вырыта могила, куда были опущены тѣла зарѣзанныхъ дѣтей. Каждый изъ нихъ лежалъ въ особомъ гробикѣ.

Первымъ найденъ Степанъ Поспѣловъ, шестилѣтній мальчикъ; на немъ была надѣта длинная бѣлая холщевая рубашка, опоясанная нитянымъ поясомъ, на шеѣ деревянный крестъ, на ногахъ бѣлые холщевые чулки; на шеѣ съ правой стороны имѣлась небольшая рана; на правой рукѣ безымянный палецъ «частію отрѣзанъ, и на первомъ отъ кости суставѣ того же пальца подрѣзано мясо». На Николаѣ Агѣевѣ, десяти лѣтъ, надѣто было то же одѣяніе, а въ горлѣ оказалась рана, нанесенная ножомъ. У Степана Холкина, семи лѣтъ, горло пересѣчено совсѣмъ. На

Гаврилъ Андреевъ, четырехъ лѣтъ, была надѣта только одна рубашка съ поясомъ, на шеѣ висѣлъ деревянный крестъ; горло совсѣмъ пересѣчено, очевидно, топоромъ, а на правомъ предплечьи мясо нѣсколько срѣзано. Прасковья Холкина, трехъ лѣтъ, найдена также въ одной рубашкѣ; на правомъ предплечьи у нея виднѣлись двѣ раны, сдѣланныя сквозь рубашку ножомъ<sup>1)</sup>.

Какъ ни ужасенъ этотъ случай, тѣмъ не менѣе, онъ не представляетъ собою единичнаго исключительнаго явленія; можно указать длинный рядъ болѣе или менѣе аналогичныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ различные періоды исторической жизни нашего народа. Въ числѣ явленій этого рода первое мѣсто, безспорно, выпадаетъ на долю самосожиганій.

## II.

## Самосожигатели.

Тѣ, кому пришлось быть на передвижной выставкѣ картинъ 1882 года, навѣрное, не забыли еще сильнаго и глубокаго впечатлѣнія, какое производила картина извѣстнаго русскаго художника г. Мясоѣдова: *Самосожигатели*. Среди моря огня, охватившаго со всѣхъ сторонъ огромную избу, беспорядочно мечется обезумѣвшая толпа старыхъ, дряхлыхъ, молодыхъ и совсѣмъ юныхъ людей съ лицами, искаженными ужасомъ, страданіями, отчаяніемъ.

Среди этой потерявшейся толпы рѣзко выдѣляется высокая, строго-покойная, почти величавая фигура главнаго учителя, руководителя всего дѣла, — суроваго старца, съ лицомъ, на которомъ написана непреклонная, желѣзная рѣшимость «пострадать». Онъ что-то говоритъ толпѣ «маловѣровъ», и вы слышите его суровые упреки; онъ указываетъ на небо, закликаетъ забыть о землѣ, «юдоли грѣха и неправды», прокликаетъ эту землю, отдавшуюся антихристу и его слугамъ, прокликаетъ эту жизнь, полную страданій и горя. Взамѣнъ онъ обѣщаетъ рай, счастье и радость тамъ, впереди, и зоветъ туда, гдѣ нѣтъ «ни печали, ни воздыханія».

Коллективные самосожженія изъ-за религіозныхъ и иныхъ

<sup>1)</sup> Пермскія Губерн. Видомости 1880 г., № 82, статья г. Ев. Гасабова: *Послѣдователи секты моральщиковъ въ Пермской губерніи*.

побуждений являются *исключительною* особенностью русского народа; въ другихъ странахъ, у другихъ народовъ, насколько известно, нѣтъ и не было подобныхъ проявленій религіознаго фанатизма. Повѣсть о самосожженіяхъ навсегда, конечно, останется одной изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ нашей исторіи. Къ сожалѣнію, эта страшная нравственная эпидемія, пережитая нашей родиной, до сихъ поръ остается невыясненной въ должной степени ни съ психической, ни даже съ исторической стороны.

До сихъ поръ не приведены даже въ извѣстность всѣ случаи самосожженія, бывшіе у насъ на Руси. Какъ на попытку, имѣвшую цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ, слѣдуетъ указать на перечень самосожженій, составленный недавно профессоромъ казанскаго университета г. Загоскинымъ <sup>1)</sup>. Къ сожалѣнію, перечень этотъ оказывается крайне неполнымъ; авторъ, очевидно, не исчерпалъ даже печатной литературы, имѣющейся у насъ по этому вопросу.

Предлагаемый нами здѣсь перечень самосожженій также, конечно, далекъ отъ желательной полноты, но онъ вдвое болѣе перечня г. Загоскина. Притомъ, намъ удалось довести свой списокъ самосожженій до самаго послѣдняго времени, до нашихъ дней <sup>2)</sup>. Вотъ этотъ перечень въ хронологическомъ порядкѣ:

1) Въ 1679 году, въ ночь на 6 января, въ Тобольскомъ уѣздѣ, по Тоболу рѣкѣ, выше Ялаторовской слободы, на рѣчкѣ Березовкѣ *сожглись 1,700 человекъ* <sup>3)</sup> раскольниковъ съ наставникомъ своимъ, инокомъ Даниломъ (въ міру — попъ Дометіанъ).

Напрасно митрополитъ сибирскій Павелъ, услыхавъ о намѣреніи раскольниковъ сжечься, писалъ имъ увѣщанія и посылалъ къ нимъ священниковъ, которые также убѣждали ихъ не губить себя. На всѣ эти убѣжденія раскольники «отвѣчали только разными хулами противъ церкви, царя и архіереевъ». Наконецъ, въ Березовскую пустынь командированы были стрѣльцы и конные козаки; но, пріѣхавши въ пустынь, они увидѣли, что «таде пустынь съ людьми до ихъ пріѣзду сгорѣла».

<sup>1)</sup> «Литературный сборникъ» *Волжскаго Вѣстника*. Казань, 1884 г., выпускъ I.

<sup>2)</sup> О другихъ видахъ самоистребленія изъ-за религіозныхъ побужденій мы скажемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

<sup>3)</sup> Въ *Историческіяхъ актахъ* чело жившихъ въ скитахъ на р. Березовкѣ опредѣлено въ 300 чело. (См. «Дополненія» къ *Актамъ историческимъ*, томъ VIII, № 50, стр. 216). Показанная нами цифра сгорѣвшихъ 1,700 чело. заимствована у Макарія: *Исторія русскаго раскола*. Спб., 1855 г., стр. 248. Та же цифра указана и въ *Синодикѣ* у А. Н. Пыпина, стр. 25.



2) Въ 1680 годахъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Бѣлосельской волости, *сожглось до 1,920 человекъ* <sup>1)</sup>. Большинство сгорѣвшихъ были крѣпостные крестьяне князя Ивана Ивановича Голицына, который по этому случаю нарочно пріѣзжалъ изъ Москвы въ Бѣлосельскую вотчину «для уговору крестьянъ своихъ, чтобы перестали жечься».

3) Въ 1685 году, въ Новгородскихъ предѣлахъ, въ деревнѣ Островѣ, въ монастырской вотчинѣ, «собрался на овинь, *сгорѣло, человекъ съ тридцать* <sup>2)</sup>».

4) Въ 1687 году, 4 марта, въ Палеостровскомъ монастырѣ, Олонецкаго уѣзда, *сожглось 2,700 человекъ* раскольниковъ, имѣя во главѣ своего учителя, бывшего діакона Игнатія, выходца изъ Соловецкаго монастыря. Раскольники сожглись на глазахъ явившихся за ними властей <sup>3)</sup>.

5) Въ томъ же 1687 году, въ Тюменскомъ уѣздѣ, на р. Печенкѣ *сожглось въ скиту 300 человекъ* на глазахъ властей и ратныхъ людей <sup>4)</sup>. При этомъ изъ оконъ «выметались» два старца и двѣ старицы, которые и были тутъ же арестованы ратными людьми.

6) Въ томъ же 1687 году, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Олонецкомъ уѣздѣ, на Березовѣ, на волокѣ сгорѣлъ бѣглый инокъ, ревностный пропагандистъ раскола, Пимень, «и съ нимъ къ другой тысящи нѣсколько народа», т.-е. тысяча человекъ съ лишнимъ. Сожженіе это произошло при нападеніи на раскольниковъ воинской команды, которая начала «приступати крѣпкимъ приступомъ и изъ всего оружія стрѣляти съ великою яростію и гнѣвомъ, хотяще всѣхъ живыхъ взяти и на мученіе повести» <sup>5)</sup>.

7) Въ 1688 или 1689 году, въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ 120 верстахъ отъ города, въ Череповской волости сожглись жившіе въ лѣсу раскольники; въ количествѣ *300 человекъ*, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Устюжскій воевода, узнавъ о проживаніи раскольниковъ въ лѣсу, послалъ туда людей, чтобы забрать ихъ. Но «раскольщики учинилися силаны и не дались, и тѣ свои храмины со многолюдствомъ обволокли соломой и зажгли, и сами въ нихъ сгорѣли» <sup>6)</sup>.

<sup>1)</sup> Дм. Ростовскій: «Розыскъ». М., 1884 г., стр. 585 и 586.

<sup>2)</sup> А не триста, какъ значится у г. Загоскина. См. *Акты историческіе*, т. V, № 127, стр. 220.

<sup>3)</sup> Макарій: «Исторія русскаго раскола». Спб., 1855 г., стр. 252—253. См. также А. Н. Пыпина. «Сводный старообрядческій синодикъ». Спб., 1883 г., стр. 24.

<sup>4)</sup> «Дополненіе» въ *Актамъ историческимъ*, т. X, № 3.

<sup>5)</sup> *Исторія Вызовской старообрядческой пустыни*. Спб., 1862 г., стр. 31.

<sup>6)</sup> Дмитрій Ростовскій: «Розыскъ». М., 1824 г., стр. 584.

8) Въ 1689 году, 23 сентября, олонецкіе раскольники, подъ предводительствомъ соловецкаго инока Германа, вторглись въ Палеостровскій монастырь съ ружьями, пищалями и другимъ оружіемъ, схватили игумена съ десятью иноками и тремя прислужниками, заключили ихъ въ погребъ и сами завладѣли монастыремъ. Изъ Олонца присланы были «протопопъ и воины», чтобы безъ кровопролитія какъ-нибудь схватить предводителей бунта. Раскольники встрѣтили воиновъ выстрѣлами и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, зажгли монастырь и въ немъ *сгорѣли* сами, въ числѣ 500 человекъ, и погубили игумена и сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ погребѣ иноковъ <sup>1)</sup>.

9) Въ 1693 году, 12 августа, толпа вооруженныхъ раскольниковъ, разгромивъ церковь Пудожскаго погоста, заперлась въ четырехъ укрѣпленныхъ избахъ деревни Строкиной. Когда явился сотникъ съ стрѣльцами и съ понятыми и началъ уговаривать буйствовавшихъ старовѣровъ, то они, изрыгая хулы на св. церковь, стали стрѣлять въ стрѣльцовъ и понятыхъ. Стрѣльцы бросились было рубить избы, но раскольники сами зажглись въ нихъ и *сгорѣли* всѣ, въ числѣ 800 человекъ <sup>2)</sup>.

10) Около того же времени, въ Томскомъ уѣздѣ, въ трехъ большихъ деревянныхъ зданіяхъ, нарочно выстроенныхъ въ глухомъ лѣсу, сгорѣлъ расколуучитель Василій Шапошниковъ, вмѣстѣ съ своими учениками и послѣдователями. Сожженіе это происходило также на глазахъ властей, «священниковъ и воиновъ», командированныхъ тобольскимъ воеводою, княземъ Пуятинымъ <sup>3)</sup>.

11) Въ началѣ XVIII столѣтія, въ деревнѣ Тереховѣ, на устьѣ рѣки Туксы (въ Олонецкомъ воеводствѣ), «житель» этой деревни Яковъ Ивановъ, по прозванію Соломянной, «имѣвшій за собою церковный расколъ», «собрался съ такими же раскольниками *съ немалыми людьми* и съ женою и съ дѣтьми и съ пасынкомъ и *съ сосѣди*, какъ по нимъ для поимки посланы были изъ приказной избы служилые люди, запершися во дворѣ своемъ и не дождавъ поимки, тотъ дворъ зажгли и сами себя всѣ безостатку сожгли» <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Макарій: «Акты историческіе», томъ V, №151, стр. 253. Въ *Старообрядческомъ синодикѣ*, изданномъ г. Пыпинымъ, число сгорѣвшихъ въ этотъ разъ опредѣлено въ 1,500 человекъ.

<sup>2)</sup> Макарій: «Исторія рус. раскола», стр. 253—254.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 248.

<sup>4)</sup> *Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—69 г.*, стр. 196. Тамъ же свидѣнія

12) Въ 1722 году, въ Тобольской епархіи, въ трехъ пустыняхъ и въ трехъ деревняхъ сожглись разныя скопища раскольниковъ <sup>1)</sup>.

13) Въ 1723 году, въ Устюжской епархіи сожглось 25 человекъ <sup>2)</sup>.

14) Въ 1724 году, въ одной пустыни Тюменскаго уѣзда, собралось для сожженія 190 человекъ съ дѣтьми, но изъ нихъ сожглись 145 человекъ, а остальные 45 разбѣжались <sup>3)</sup>.

15) Въ 1726 году, въ Важецкомъ уѣздѣ, Двинской области, въ 10 верстахъ отъ деревни Гаврилихи, сожглось въ Никольской пустыни 70 человекъ <sup>4)</sup> раскольниковъ съ своими наставниками Исакиемъ Каргопольцемъ и Максимомъ Нечаевымъ на глазахъ явившейся взять ихъ воинской команды <sup>5)</sup>.

16) Въ 1734 году, въ Поремскомъ скиту (Каргопольскаго уѣзда), населенномъ безпоповцами, сожглось до 200 человекъ раскольниковъ, большею частью старыхъ, дряхлыхъ и малолѣтнихъ. Сожженіе происходило на глазахъ «разсылщика» Манькова, командированнаго властями съ солдатами, чтобы забрать оставшихся въ скиту раскольниковъ; предъ этимъ, властями получено было извѣстіе, что большинство жившихъ въ скиту раскольниковъ «разбѣжались неизвѣстно куда» <sup>6)</sup>.

17) Въ 1742 году, въ Олонецкомъ уѣздѣ сожглись въ особомъ скиту основатель филипповской секты, старецъ *Филиппъ съ 50 послѣдователями* <sup>7)</sup> на глазахъ извѣстной самаринской комиссіи <sup>8)</sup>.

18) Въ 1743 году, въ Сибири, въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ, сожглось 18 человекъ раскольниковъ, жителей Бѣлоярской крѣпости <sup>9)</sup>.

приводятся въ книжкѣ г. В. Майлова: «Повѣдка въ Обонежье и Корелу». 2 изд. Спб., 1877 г., стр. 69.

<sup>1)</sup> *Современная Литописъ* 1861 г., № 4.

<sup>2)</sup> и <sup>3)</sup> *Idem.*

<sup>4)</sup> *Есиповъ*: «Самосожигатели». *Отечест. Записки* 1863 г., № 2, стр. 612.

<sup>5)</sup> У г. Загоскина ошибочно указано 75 человекъ сгорѣвшихъ. Хотя всѣхъ жителей Никольской пустыни было дѣйствительно 75 человекъ, но трое изъ нихъ были схвачены солдатами, на крыльцѣ дома, въ которомъ происходило сожженіе, затѣмъ одинъ раскольникъ самъ высочилъ изъ окна и, наконецъ, старуха Анна Герасимова была вытащена изъ окна солдатами.

<sup>6)</sup> *Есиповъ*: «Самосожигатели». *Отечест. Записки* 1863 г., № 2, стр. 617—618.

<sup>7)</sup> По свѣдѣніямъ епископа Макарія, сгорѣло 38 человекъ. См. *Исторію русскаго раскола*. Спб., 1855 г., стр. 275.

<sup>8)</sup> *Ан. Иоанновъ*: «Полное историч. извѣстіе»... и пр. Спб., 1855 г., стр. 30.

<sup>9)</sup> Объ этомъ случаѣ самоожженія упоминается въ сенатскомъ указѣ 28 сентября 1743 года. См. *Полное собраніе законовъ*, т. XI, № 8,786, стр. 899—900.

19) Въ томъ же 1743 году, въ Мезенскомъ уѣздѣ, въ скиту на Великихъ Лугахъ *сожглось 75 человекъ* раскольниковъ на глазахъ явившейся взять ихъ воинской команды <sup>1)</sup>).

20) Въ 1744 году, 5 января, въ томъ же Мезенскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Езевцы *сожглось 17 человекъ* раскольниковъ на глазахъ воинской команды <sup>2)</sup>).

21) Въ 1745 году, «раскольникъ изъ крестьянъ Ефимъ Ивановъ, бѣжавъ изъ Олонецкаго уѣзда въ Каргопольскій уѣздъ, въ Мошевскій станъ, въ Лимскую волость, и подговоря, увелъ крестьянъ съ женами и дѣтьми за оную Лимскую волость въ лѣсъ, въ мѣстечко Лебядины, и тамо отъ расколу въ избѣ юня 11 дня сгорѣли». Изъ слѣдствія, произведеннаго по этому дѣлу, выяснилось, что Ефимъ Ивановъ, подговоривъ другихъ къ самосожженію, самъ, однако, не сгорѣлъ и за нѣсколько дней до катастрофы скрылся неизвѣстно куда <sup>3)</sup>).

22) Въ томъ же 1745 году, «Каргопольскаго уѣзда раскольники изъ крестьянъ, Зайковъ и Климовъ, бѣжавъ, въ лѣсу построили избы и; подговоря, увели мужеска и женска пола *пятъдесять семь человекъ* изъ крестьянъ же, которые, по раскольническому ихъ обычаю, въ одной избѣ *сожглись*» <sup>4)</sup>).

23) Въ 1746 году, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, «крестьянинъ деревни Лазаревичи Тихвина монастыря» Герасимъ Ивановъ Васильевъ, «во время наѣзда посланныхъ изъ олонецкой канцеляріи отъ Выгорѣцкихъ жилищъ за 50 верстъ на пустомъ лѣсу *сгорѣлъ*». Трое сыновей его, «изъ того пожогу вышедъ, бѣжали за границу, въ Дацкую землю, и жили тамъ на морскихъ берегахъ около Нордъ-Кано» <sup>5)</sup>).

24) Въ 1747 году, на рѣкѣ Умбѣ, близъ Выговскихъ скитовъ, ученикъ Филиппа, основателя филипповской секты, старецъ Терентій «*огнемъ скончашася*» вмѣстѣ со своимъ «стадомъ», т.-е. послѣдователями <sup>6)</sup>).

25) Въ 1748 году, въ декабрѣ, въ Устюжской провинціи, въ скиту *сгорѣло около 70 человекъ* черносотныхъ крестьянъ разныхъ деревень на глазахъ властей, воинской команды и священниковъ, присланныхъ для увѣщанія <sup>7)</sup>).

<sup>1)</sup> Есиповъ: «Самосожигатели» *Отечеств. Записки* 1863 г., № 2, стр. 623.

<sup>2)</sup> *Idem*, стр. 625.

<sup>3)</sup> *Олонецкія Губерн. Вѣдомости* 1878 г., № 57, стр. 700.

<sup>4)</sup> *Idem*, стр. 699.

<sup>5)</sup> *Олонецкія Губернскія Вѣдомости* 1878 года, № 57.

<sup>6)</sup> *Памятнал книжка Олонецкой губерніи за 1868-69 года*, стр. 195.

<sup>7)</sup> *Полное собраніе законовъ*, т. XIII, № 9,579, стр. 15.

26) Въ 1750 году, на рѣкѣ Умбѣ, близъ Выговскихъ скитовъ, *сгорѣлъ* «со своимъ стадомъ» послѣдователь Филиппа, старецъ *Матвей* <sup>1)</sup>.

27) Около того же года, въ Тюменскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Зайковой «сожглося неизвѣстное число раскольниковъ» <sup>2)</sup>.

28) Въ 1751 году, въ Сибири, въ селѣ Кармеецкомъ сожглись 25 человекъ «крайнихъ фанатиковъ еедосѣевского толка, которые оказались въ приходскихъ книгахъ всѣ записанными въ православіе» <sup>3)</sup>.

29) Въ 1753 году, въ ночь на 23 іюля, крестьяне и разночинцы деревни Лучинкиной и Гилевой, Тюменскаго уѣзда, въ числѣ 200 человекъ, сожглись въ домѣ разночинца Григорія Сѣркова въ присутствіи мѣстныхъ выборныхъ властей <sup>4)</sup>.

30) Въ томъ же 1753 году, въ Устюжскомъ уѣздѣ, Двинской трети, сожглося неизвѣстное число раскольниковъ <sup>5)</sup>.

31) Въ 1755 году, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, въ Верховѣ на Лайты, близъ Ладожскаго погоста, «огнемъ скончашася старецъ Серапіонъ» <sup>6)</sup>.

32) Въ 1756 году, въ Томскомъ округѣ, изъ разныхъ деревень Чуевского острога собралось множество людей въ деревню Мальцеву, расположенную среди топей, болотъ и озеръ. Собравшіеся засѣли въ 9 крѣпкихъ избахъ, окруживъ ихъ, сажени на три, полисадомъ «съ немалымъ укрѣпленіемъ». На увѣщеваніе офицера, явившагося тогда съ командой, раскольники отвѣчали, что собрались страдать за вѣру Христову и за крестъ двуперстнаго сложенія. Кончилось тѣмъ, что *сгорѣло* за разъ *172 человекъ* <sup>7)</sup>.

33) Въ 1757 году, въ Архангельской епархіи *сожглося 27 человекъ* <sup>8)</sup>.

34) Въ 1761 году, 14 февраля, въ деревнѣ Кузьминой, Исетскаго острога, въ домѣ одного крестьянина *сгорѣло 150 человекъ* <sup>9)</sup>.

<sup>1)</sup> *Памятн. книж. Олонск. губ. за 1868-69 г., стр. 195.*

<sup>2)</sup> Статья г. Загоскина въ «Литературномъ Сборн.» *Волжскаго Вѣстника*. Казань, 1884 г., вып. I, стр. 192.

<sup>3)</sup> *Максимовъ*: «Сибирь и каторга», ч. II, стр. 235.

<sup>4)</sup> Профес. Загоскинъ; см. его статью въ «Литературномъ Сборн.» *Волжскаго Вѣстника*, вып. I. Казань, 1884 г., стр. 192. По другимъ свидѣніямъ, число сгорѣвшихъ въ домѣ Сѣркова не превышало цифры 36—12 мужчинъ и 24 женщинъ. См. *Современ. Лѣтопись* 1861 г., № 4, и *Полное собраніе законовъ*, т. XIII, № 10,138.

<sup>5)</sup> *Полное собраніе законовъ*, т. XIV, № 10,585, стр. 599.

<sup>6)</sup> *Памятн. книж. Олонской губерніи за 1868-69 г., стр. 195.*

<sup>7)</sup> *Полное собраніе законовъ*, томъ XIV, № 10,644, стр. 659.

<sup>8)</sup> «Современная Лѣтопись» *Русскаго Вѣстника* 1861 г., № 4, и *Полное собр. законовъ*, т. XV, № 11,147.

<sup>9)</sup> *Полное собр. законовъ*, т. XV, № 11,277, стр. 733.

35) Въ 1764 году, въ Новгородской губерніи, въ помѣщичьей деревнѣ Щибенцѣ 18 раскольниковъ заперлись въ избѣ съ 13 декабря, просидѣли до 21 и, не послушавъ священническаго увѣщанія, сгорѣли <sup>1)</sup>.

36) Въ 1765 году, толпа филипповцевъ ворвалась въ Зеленецкій монастырь, Новгородской губерніи, выгнала изъ него монаховъ и сожглась въ немъ <sup>2)</sup>.

37) Въ 1772 году, въ одномъ лѣсу, смежномъ съ уѣздами Пешехонскимъ и Вологодскимъ, сожглось 17 человекъ <sup>3)</sup>.

38) Въ 1812 году, на югѣ Россіи, большая часть жителей хутора Кастенки, населеннаго козаками, сожглась въ пещерѣ горы Шахань, близъ рѣки Крынки <sup>4)</sup>.

39) Въ 1860 году, въ ночь на 12 мая, «крестьянская дѣвка» деревни Валукъ, Волоколамскаго уѣзда, Анна Алексѣева, сорока лѣтъ, сожглась въ банѣ, вслѣдствіе убѣжденія, «что во спасеніе души предъ Богомъ она должна очиститься огнемъ» <sup>5)</sup>.

40) Въ 1860 году, весной, въ Олонецкой губерніи, «пятнадцать человекъ раскольниковъ обоюга пола, въ томъ числѣ женщины съ малолѣтними дѣтьми, сожглись, изъ фанатизма, въ лѣсу, въ срубѣ» <sup>6)</sup>.

41) Въ 1860 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, «одинъ изъ казанскихъ мѣщанъ, тайно принадлежавшій къ какой-то старообрядческой сектѣ, затопивши у себя въ дому печь, голый бросился туда, вмигъ былъ охваченъ пламенемъ и, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ войти въ комнату, сгорѣлъ» <sup>7)</sup>.

42) Въ 1860 году, 13 декабря, крестьянинъ деревни Бурковой, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, Яковъ Григорьевъ, «разложивъ костеръ дровъ въ своемъ овинѣ, поджогъ его и нанесъ себѣ нѣсколько ранъ топоромъ на ногахъ и на лѣвой рукѣ, легъ животомъ на горѣвшій костеръ, но, будучи не въ силахъ вынести боли, сталъ кричать. На крикъ сбѣжались сосѣди и сняли Григорьева съ костра. При допросѣ Григорьевъ показавъ, что онъ желалъ пострадать для спасенія души и грѣшнаго тѣла» <sup>8)</sup>.

<sup>1)</sup> Полное собр. законовъ, т. XVII, № 12,326, стр. 23.

<sup>2)</sup> Макарій: «Исторія русскаго раскола». Сиб., 1855 г., стр. 276.

<sup>3)</sup> А. Н. Пылицъ: «Сводный старообрядческій синодикъ», стр. 58.

<sup>4)</sup> Воронежскія Губернскія Видомости 1869 г., № 68.

<sup>5)</sup> Сѣверная Пчела 1860 г., № 170.

<sup>6)</sup> Московскія Губернскія Видомости 1860 г., № 26.

<sup>7)</sup> С.-Петербургскія Видомости 1861 г., № 14.

<sup>8)</sup> С.-Петербургскія Видомости 1861 г., № 11.

На этомъ случаѣ кончаются наши свѣдѣнія о самосожженіяхъ. Хотя за самое послѣднее время въ газетахъ и появлялись краткія извѣстія объ единичныхъ самосожженіяхъ, но, судя по мѣсту происшествія и фамиліямъ самосожигателей, слѣдуетъ думать, что дѣйствующими лицами въ этихъ случаяхъ являлись не чисто русскіе люди, а инородцы и инородцы. Считаемо, однако, не безъ интереснымъ указать на эти случаи.

Въ 1883 году, въ деревнѣ Велимчѣ, Ковельскаго уѣзда, крестьянинъ Давидъ Жудрукъ, «вслѣдствіе религіознаго изуверства, рѣшился потерпѣть за вѣру и принять вѣнецъ мученичества». Натаскавши въ избу соломы, онъ легъ на нее и зажегъ спичкой. Въ то время, какъ солома разгоралась все ярче и ярче, Жудрукъ распѣвалъ разныя духовныя пѣсни. Но какъ только пламя охватило его, онъ не выдержалъ и началъ неистово кричать: «караулъ!» Обгорѣлаго, еле живаго вынули его изъ огня; черезъ три дня онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ <sup>1)</sup>.

Въ томъ же 1883 году, въ деревнѣ Будзинцахъ, Бѣлѣцкой губерніи, братъ одного изъ весьма зажиточныхъ землевладѣльцевъ, начитавшись жизнеописаній святыхъ, рѣшилъ сжечь себя живымъ, «чтобы спастись и попасть въ царство небесное». Забравшись ночью въ сарай, наполненный сѣномъ и соломой, онъ подожгъ солому. Сосѣди увидали его въ пламени въ то время, когда спасти его не было уже никакой возможности <sup>2)</sup>.

### III.

#### Козаки - самосожигатели.

Въ предъидущей главѣ мы перечислили только тѣ случаи самосожиганій, относительно которыхъ мы встрѣтили несомнѣныя и вполне опредѣленныя указанія, болѣею частью строго-официальнаго характера. Но этотъ перечень далеко не полонъ: кромѣ указанныхъ нами случаевъ самосожиганій, была масса такихъ, которые не вошли въ официальные документы, но память о которыхъ до сихъ поръ живетъ въ народѣ.

Такъ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, въ глухой деревушкѣ Линдозерѣ, Выгозерской волости, до сихъ поръ существуетъ могила

<sup>1)</sup> *Московскія Вѣдомости* 1883 г., № 224. Перепечатка изъ *Кіевлянина*.

<sup>2)</sup> *Елисаветградскій Вѣстникъ* 1883 г., № 129.

самосожигателей. Мѣстные жители рассказываютъ, что здѣсь сгорѣло до 70 человѣкъ, и между ними богатое семейство Панфиловыхъ. Сгорѣвшіе считаются мучениками, и память ихъ въ пятидесятихъ годахъ благоговѣнно чествовалась ежегодно въ особомъ пустомъ сараѣ, куда приносились по этому случаю крестъ и иконы.

Въ трехъ верстахъ отъ деревни Паэзера въ пятидесятихъ годахъ существовала старовѣрческая часовня, построенная въ 1810 году на томъ мѣстѣ, гдѣ сгорѣли инокъ Серапіонъ и съ нимъ нѣсколько человѣкъ раскольниковъ. Сюда ежегодно, въ извѣстный день, собирался на богомолье народъ не только изъ окрестныхъ селеній, но также изъ Шунги, Толвуи и Пудожскаго уѣзда. Богомольцы служили молебны страдальцамъ, надъ прахомъ которыхъ воздвигнута часовня. При этомъ вынимали изъ пола нѣсколько досокъ, опускались подъ полъ и тамъ кадили на могилу самосожигателей, которыхъ они вполне искренно почитаютъ за мучениковъ.

При деревнѣ Совдозерѣ есть могила самосожигателей, которые, по преданію, сгорѣли здѣсь въ числѣ 70 человѣкъ. Въ пятидесятихъ годахъ на этомъ мѣстѣ стояло строеніе въ видѣ обыкновенной избы, съ однимъ окномъ. Мѣстность эта пользовалась большимъ уваженіемъ не только среди старообрядцевъ, но и среди православныхъ. Сюда часто приходили богомольцы и бросали черезъ окно на могилу деньги, свѣчи, ладонь и проч. Въ день Воздвиженія на могилу приносили образа и совершали служеніе <sup>1)</sup>).

И такихъ примѣровъ можно указать длинный-длинный рядъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, особенно же на сѣверѣ, въ Сибири, въ Новгородскихъ предѣлахъ и т. д. Среди старообрядческаго населенія до сихъ поръ обращается множество «синодиковъ» или «помянниковъ», въ которыхъ приводятся имена или просто цифры лицъ, пострадавшихъ и «сожженныхъ благочестія ради». Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ помянникахъ сгорѣвшіе старообрядцы всегда и неизмѣнно называются *сожженными* и никогда — *сожженными*.

Въ помянникахъ, распространенныхъ среди олонецкихъ старообрядцевъ, указываются, между прочимъ, слѣдующіе случаи самосожженія: «Василія и иже съ нимъ 50, на Тудозери (при-

<sup>1)</sup> Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1878 г., № 57.



ходь Вытегорскаго уѣзда); Исака, Ксеніи, Феодоры, Ксеніи дѣвицы, вкрай Выгозера (озеро и приходъ того же имени въ Повецкомъ уѣздѣ); Іоанна и иже съ нимъ; Никифора и иже съ нимъ; Аверкія и иже съ нимъ, въ Янгорахъ (приходъ Пудожскаго уѣзда); Евдокіи, Зиновіи, Агафіи и прочихъ подъ Каргополомъ; инока Филарета, Алексія, Леонтія и прочихъ 40, за Кенозеромъ, Пудожскаго уѣзда <sup>1)</sup>, и т. д., и т. д.

Въ изданномъ А. Н. Пышинымъ *Сводномъ старообрядческомъ синодикѣ* приводится 45 случаевъ самосожиганій. Къ сожалѣнію, въ большей части этихъ случаевъ не указывается время, годъ,

№	Число сгорѣвшихъ.	№	Число сгорѣвшихъ.	№	Число сгорѣвшихъ.
1	2,700 человекъ.	16	150	31	3
2	2 и прочихъ съ ними.	17	50	32	8
3	1,500	18	36	33	1
4	1,000	19	50	34	2
5	26	20	60	35	16 и прочихъ съ ними.
6	480	21	148	36	1 и прочихъ съ нимъ.
7	280	22	1	37	1 и прочихъ съ нимъ.
8	220	23	78	38	3 и прочихъ съ ними.
9	2 и прочихъ съ ними.	24	600	39	1
10	300	25	1 и прочихъ съ нимъ.	40	1
11	1	26	100	41	24 и прочихъ съ ними.
12	3 и прочихъ съ ними.	27	34	42	17 и прочихъ съ ними.
13	2	28	220	43	19
14	1,700	29	4	44	8 и прочихъ съ ними.
15	200	30	5 и прочихъ съ ними.	45	44
	8,416		1,537		149

Всего же 10,102 человекъ.

<sup>1)</sup> Памятная книжка Олонецкой губерніи за 1868—69 г., стр. 195.

когда именно происходило то или другое самосожжение, поэтому нѣтъ возможности распредѣлить ихъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ.

Сгруппировавъ цифровыя данныя «о сожженныхъ благочестія ради», — данныя, заключающіяся въ *Синодикѣ* г. Пыпина, — въ три графы, получимъ слѣдующую не безъинтересную статистическую табличку (см. стр. 93).

Разсматривая эту табличку, прежде всего, видимъ, что первые по времени 15 случаевъ самосожиганій унесли 8,416 человѣческихъ жизней, слѣдующіе затѣмъ 15 случаевъ — 1,537 и, наконецъ, послѣдніе 15 случаевъ самосожженій унесли 149 человѣческихъ жертвъ. Въ первой графѣ встрѣчаются *тысячи* сгорѣвшихъ за разъ, во второй графѣ — *сотни* и, наконецъ, въ третьей находимъ лишь *десятки и единицы*. Такъ постепенно сходило съ исторической сцены это страшное, до сихъ поръ въ значительной степени загадочное явленіе.

Выведенная нами общая цифра всѣхъ сгорѣвшихъ 10,102 чел. — отнюдь, конечно, не можетъ считаться точной, какъ, впрочемъ, и всѣ вообще цифры въ этой таблицѣ; не можетъ считаться точной эта цифра уже по одному тому, что изъ числа 45 указанныхъ въ таблицѣ случаевъ самосожженій въ 14 даже приблизительно не опредѣлено число сгорѣвшихъ. «И прочихъ съ нимъ», или «и прочихъ съ ними», а сколько именно было этихъ «прочихъ», — мы ничего не знаемъ. Наконецъ, въ свѣдѣніяхъ *Синодика* мы не находимъ никакихъ данныхъ о случаяхъ самосожженій, бывшихъ въ болѣе близкое къ намъ время.

У насъ въ обществѣ обыкновенно смотрять на самосожженіе, какъ на явленіе, *давнымъ давно* пережитое, похороненное и спланное въ архивъ. Подобное мнѣніе, однако, оказывается справедливымъ только на половину. Конечно, въ наше время уже немислима та по истинѣ чудовищная эпидемія самосожиганій, которая свирѣпствовала у насъ въ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, захватывая, какъ чума, цѣлыя области и унося съ собою тысячи жертвъ. Но отдѣльные, такъ сказать, спорадическіе случаи самосожиганій, не только единичныхъ, но и коллективныхъ, вполнѣ возможны и въ наши дни.

А. Н. Пыпинъ, сообщая въ своемъ *Синодикѣ* о самосожженіи, бывшемъ въ Вологодской губерніи въ концѣ прошлаго сто-

лѣтія, а именно въ 1772 году, замѣчаетъ: «это было, кажется, *последнее* самосожигательство»<sup>1)</sup>.

Изъ приведеннаго нами выше перечня самосожженій можно, однако, видѣть, что предположеніе почтеннаго ученаго, къ сожалѣнію, не оправдывается. Оказывается, что и нашъ культурный просвѣщенный XIX вѣкъ не свободенъ отъ подобныхъ печальныхъ явленій. Последній случай *коллективнаго* самосожиганія раскольниковъ былъ въ самое недавнее время, можно сказать, на нашихъ глазахъ, а именно въ 1860 году въ Олонецкой губерніи. Въ этотъ разъ сгорѣло 15 человекъ раскольниковъ обоюго пола, въ томъ числѣ женщины съ малолѣтними дѣтьми.

Другой случай коллективнаго самосожиганія раскольниковъ, бывшій въ нынѣшнемъ столѣтіи, относится къ 1812 году, когда на югѣ Россіи въ пещерѣ горы Шаханъ сожглась большая часть жителей хутора Кастенки. Въ виду того, что этотъ случай самосожженія прошелъ совсѣмъ незамѣченнымъ въ нашей печати, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя подробности, касающіяся этой катастрофы, тѣмъ болѣе, что по своимъ размѣрамъ и другимъ особенностямъ случай этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1869 годъ помѣщенъ *Разказъ о самосожигателяхъ*, въ которомъ довольно подробно сообщается о самосожженіи жителей хутора Кастенки. Сколько намъ извѣстно, это единственное извѣстіе, проникшее въ печать объ этомъ случаѣ самосожженія. Авторъ-статьи, г. И. Н., ведетъ разказъ отъ лица встрѣченнаго имъ старика-козака, уроженца хутора Кастенки<sup>2)</sup>.

Лѣтъ за 5, за 6 до 1812 года въ хуторъ Кастенки<sup>3)</sup> явился какой-то «святой чернецъ» — отецъ Филатій, вырылъ пещеру въ горѣ Шаханъ, по близости отъ хутора, и поселился въ ней. Началь онъ частенько навѣщать хуторъ, причемъ каждый разъ приносилъ съ собою какія-то книги, которыя читалъ и толковалъ козакамъ. Вліяніе отца Филатія вскорѣ сказалось, и, прежде всего, на отцѣ разскащика-козака. Онъ вдругъ пересталъ брить бороду, «началъ ругать поповъ на чемъ свѣтъ стоитъ», началъ все чаще и чаще заговаривать о старой вѣрѣ, объ антихристѣ.

1) *Сводный старообрядческій синодикъ*, стр. 58.

2) *Воронежскія Губерн. Вѣдомости* 1869 г., № 68.

3) Въ *Географическо-статистическомъ словарѣ* г. Семенова мы не нашли хутора Кастенокъ, но тамъ значится село Кастенскъ, Воронежской губерніи, въ 31 верстѣ къ югу отъ города Воронежа. Въ 1779 году въ немъ было 240 домовъ.

Вскорѣ къ Филатію явился другой чернецъ и поселился вмѣстѣ съ нимъ въ пещерѣ. Они достали образа, книги и начали совершать «службу». Въ пещеру къ нимъ стали собираться «почестъ» все хуторяне, потому Филатій всехъ ихъ увлекъ въ свою вѣру». Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Разсказчику исполнилось 18 лѣтъ, когда наступилъ знаменитый въ лѣтописяхъ русской исторіи 1812 годъ. Но предоставимъ слово самому разсказчику.

«Насталъ 1812 годъ,—говорилъ онъ,—вездѣ засуетились, и такъ страшно стало: начали набирать воиновъ поголовно; наши козаки должны были, окромя стариковъ и дѣтей, все въ походъ идти. Не задолго передъ тѣмъ меня, помню, взялъ родычъ къ себѣ погостить изъ дома; а я былъ малолѣтокъ, стало быть, миновать службы никакъ невозможно. Поэтому-то я изъ гостей съ своимъ родычемъ и возвратился домой. Не доѣзжая версты 20 до дома, слушаемъ, говорятъ: нашъ хуторъ выгорѣлъ. Вотъ тебѣ и разъ, думаю, гляди и лошади погорѣли, не на чемъ въ походъ идти; и такъ жалко стало! Мы съ родычемъ поспѣшили домой, хотъ родителей-то скорѣй утѣшить. Подъѣзжаемъ къ хутору своему, а онъ стоитъ себѣ цѣлехонекъ. Ну, думаю, насъ обманули. Въѣзжаемъ въ свой дворъ, все цѣло, въ порядкѣ, какъ нужно. Входимъ въ избу, никого нѣтъ. Что за чудо? думаю; отправился по сесѣдямъ; вхожу въ одну избу, другую, третью,—все никого нѣтъ. Ну, думаю, все; надо быть, уѣхали молиться. Такъ обошелъ я избъ десять. Только подхожу къ одной, слышу, точно по мертвому голосатъ. Я туда; гляжу: женщина такъ убивается, такъ причитываетъ, такъ плачетъ, просто ужаси!

«— Что ты?—спрашиваю,—или какое несчастье?

«— Все по-о-го-рѣ-ѣ-ли,—заголосила она.

«Я остановился, какъ вкопанный, и недоумѣваю, какимъ это манеромъ погорѣли, когда хуторъ цѣлъ. Я опять къ ней.

«— Кто-жь погорѣлъ-то?—спрашиваю.

«— Все на-а-ши со-ко-о-ли-ки.

«Я едва отъ ней допытался, что отецъ и мать мои и другіе хуторяне сожглись въ пещерѣ.

«— А ты какъ же избавилась?—спрашиваю ее.

«— Да меня,—говорить,—въ это время дома не было; я только ночью пріѣхала и узнала.

«— Кто-жь тебѣ объ этомъ сообщилъ?

«— Да, — говорить, — Анятка Виляева; она не пошла въ пещеру.

«Я пошелъ отыскивать Анятку; былъ въ ихъ домѣ; тамъ нѣтъ никого; спросить не у кого... зарыдалъ я и побрелъ домой. Вхожу въ избу свою, а эта самая дѣвка-то Виляева и родычъ сидятъ и плачутъ, чуть не голосятъ. Ну, думаю, рассказала она всю притчу! Началъ я ее спрашивать, и она рассказала мнѣ, что сгорѣли всѣ.

«— Чернецъ, — говорить, — вздумалъ дѣлать какое-то освященіе домовъ въ хуторѣ. Только однажды онъ ночью приѣзжаетъ съ ризами и началъ служеніе; наши хуторяне почестъ всѣ были. Глядимъ, отворяется дверь и входитъ засѣдатель (а тогда, въ 12-мъ году, когда сдѣлалась такая суматоха, засѣдатели сами ѣздили по своему округу съ бумагами, переписывали всѣхъ годныхъ къ службѣ, осматривали ихъ мундиры, лошадей и проч.). Такъ вотъ, по этой-то причинѣ сюда и попалъ тогда засѣдатель; а онъ былъ такой строгій, бѣдовый. Какъ вошелъ онъ, какъ услышалъ ихъ пѣніе, какъ крикнетъ на нихъ: «Что это значить? Что это у васъ тутъ за люди скрываются?» Потомъ какъ крикнетъ на Филатія: «Ты что за человекъ? Должно быть, бѣглець, какой? Есть, говорить, документы у васъ? Показывай, а то иначе свяжу, да къ начальству представлю!» А Филатій былъ въ ризахъ и съ кадиломъ; видитъ, что дѣло-то плохо, все къ двери ближе, да ближе, да въ чемъ былъ, такъ и убѣжалъ. Засѣдатель тутъ еще больше разгорячился и объявилъ козакамъ: «Если вы, говорить, не представите мнѣ этихъ людей, то вамъ худо будетъ, а я наберу козаковъ изъ другой станицы и поѣду самъ, а ихъ ужъ разыщу!» Потомъ, когда засѣдатель уѣхалъ, Филатій началъ убѣждать ихъ сжечься; *всѣ согласились и сожглись*, кромѣ Виляевой, которая намъ рассказала объ этомъ. Конечно, изъ нашихъ хуторянъ тогда въ живыхъ осталось человекъ 30; иныхъ дома не было, а иные перешли изъ нашего хутора въ другой; тѣ только и остались».

На другой день разскашикъ вмѣстѣ съ родичемъ ходили къ пещерѣ; страшная картина представилась ихъ глазамъ. Двери, ведшія въ пещеру, обгорѣли, своды обвалились, а извнутри несло такимъ ужаснымъ, одуряющимъ смрадомъ, что невозможно было приблизиться къ входу.

Изъ разсказа не видно, какъ великъ былъ сгорѣвшій хуторъ, и сколько приблизительно народу погибло въ огнѣ,

въ пещерѣ. Точно также въ разсказѣ весьма мало выясняются побудительные внутренніе мотивы, вызвавшіе это страшное происшествіе. Безъ сомнѣнія, въ мѣстныхъ архивахъ должны находиться документы, касающіеся этого печальнаго событія и такъ или иначе выясняющіе его. Было бы весьма желательно, чтобы изъ среды мѣстнаго общества нашлись лица, которыя взяли бы на себя трудъ разыскать въ архивахъ свѣдѣнія по этому вопросу, и затѣмъ подѣлились бы своими изысканіями съ читающей публикой.

## IV.

## Догматъ или паника?

До сихъ поръ съ точностью не опредѣлено время, въ которое впервые проявилось у насъ самосожигательство. Во всякомъ случаѣ, оно обнаружилось не ранѣе тѣхъ преслѣдованій, которыя предприняты были противъ раскольниковъ при патриархѣ Никонѣ. Первое по времени указаніе на самосожигательство встрѣчается въ одномъ изъ сочиненій Аввакума (*Книга на крестоборную ересь*), написанномъ имъ въ 1675 году, во время заточенія въ Пустозерскомъ острогѣ. Аввакумъ упоминаетъ о самосожигательствѣ «ревнителѣй закона», т.-е. раскольниковъ, какъ о явленіи, если и не обыкновенномъ, то, во всякомъ случаѣ, не исключительномъ въ его время.

Сидя въ Пустозерскомъ острогѣ, Аввакумъ, какъ извѣстно, написалъ множество посланій къ своимъ послѣдователямъ, — посланій, въ которыхъ онъ обличалъ Никона, обвинялъ его «въ искаженіи правовѣрія» и съ необыкновенною рѣзкостью поносилъ патриарха за его крутыя, суровыя мѣры противъ «ревнителѣй закона». Въ *Книгѣ на крестоборную ересь* Аввакумъ также больше всего распространяется о гоненіяхъ и страданіяхъ, которыя выносили проповѣдники и послѣдователи раскола отъ Никона. За то, что онъ, Аввакумъ, вмѣстѣ «со отцы и братією, не умолчавъ, начали обличать еретика и предтечу антихриста», т.-е. Никона, послѣдній «мучилъ ихъ много и разослалъ въ ссылки всѣхъ».

Такъ, «Павла Коломенскаго въ Новгородскихъ предѣлахъ *огнемъ сожегъ*; Данила протопопа костромскаго въ Астрахани *въ тюрьмѣ заморилъ*, муромскаго протопопа Логина, разстригну, въ Муромѣ сослалъ и т. п.; самого Аввакума въ Даурскую землю сослалъ,

тысячъ съ двадцать за Сибирь». Далѣе идетъ рѣчь о страданіяхъ, испытываемыхъ въ Пустозерскомъ острогѣ какъ самимъ Аввакумомъ, такъ и его главными послѣдователями: Епифаніемъ, Лазаремъ, Феодоромъ и Кипріаномъ; затѣмъ указывается, что «Соловецкій монастырь въ осаду семь лѣтъ сидеть», что «на Москвѣ старца Авраамія, духовнаго сына Аввакумова, *въ костръ сожгли* и многихъ другихъ *пожгли, повѣшали*» и т. д., и т. д.

И вотъ, нарисовавши эту мрачную картину гоненій, страданій и преслѣдованій, Аввакумъ тутъ же, вслѣдъ за этимъ, прибавляетъ: «А иные ревнители закона суть уразумѣша лествь отступленія, да не погибнуть злѣ духомъ своимъ, собирающесе во дворы съ женами и дѣтками, и *сожигашуся огнемъ своею волею*. Блаженъ изволю сей о Господѣ!»

Въ своихъ посланіяхъ Аввакумъ то и дѣло убѣждаетъ послѣдователей не бояться смерти, но не добровольной, — какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи <sup>1)</sup>, — а насильственной, мученической смерти отъ гонителей. Въ извѣстныхъ словахъ Аввакума: «Боишься печи той? Дерзай, плюй на нее!» и т. д. обыкновенно видятъ поощреніе, призывъ къ добровольному самосожигательству; но это совершенно ошибочно, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть то мѣсто изъ посланія Аввакума, изъ котораго вырываются приведенныя фразы, обыкновенно безъ всякой связи съ предъидущимъ.

Въ посланіи къ одному изъ своихъ послѣдователей, какому-то «Симеону Богопріимцу», Аввакумъ, убѣждая не бояться смерти, особенно сожженія въ огнѣ, пишетъ: «*Хотя и битъ стануть или жечь*: ино слава Господу Богу о семъ. На что лучше сего? Съ мученики въ чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ... А въ огнѣ-то здѣсь не большое время потерпѣть... Боишься печи той? Дерзай, плюй на нее, не бось. До печи страхъ-отъ, а егда въ нее вошелъ, тогда и забывъ вся», и т. д. <sup>2)</sup>

Въ прежнее время многіе полагали, что самосожигатели составляли особую секту, по ученію которой самосожженіе ставилось въ непремѣнное условіе душевнаго спасенія. Протоіерей Андрей Іоанновъ приписываетъ эту черту филипповщинѣ, послѣдователей которыхъ онъ называетъ также сожигателями и мо-

<sup>1)</sup> Напрямѣръ, г. Загоскинъ; см. его статью въ «Литературномъ Сборникѣ» *Волжскаго Вѣстника*, стр. 166.

<sup>2)</sup> Александръ Б.: «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками. Спб., 1861 г., ч. II, стр. 33.

редьщиками. Такого взгляда на самосожигательство, главнымъ образомъ, придерживались духовные писатели, трактовавшие о расколѣ, какъ, на примѣръ, Игнатій, митрополитъ тобольскій и сибирскій, Дмитрій Ростовскій, протоіерей Андрей Іоанновъ, а также многіе другіе въ болѣе позднѣе время.

Андрей Іоанновъ рассказываетъ про филипповцевъ, что они «къ самоубійству столько склонны, что всегда навѣдываются: гдѣ, когда и сколько сожглось или запостылось самовольно. Старики и старухи, увидя какой-нибудь домъ или покой, на ихъ вкусъ устроенный, со слезами взываютъ: «О! если бы въ такомъ Богъ привелъ сгорѣть!» На основаніи такого рода фактовъ, а также нѣкоторыхъ произведеній раскольниковыхъ вожаковъ вроде Аввакума, духовные писатели смотрѣли на самосожженіе, какъ на особый догматъ раскольниковскаго ученія. Этотъ же самый взглядъ еще недавно развивалъ А. А. Павловъ въ своемъ сообщеніи о самосожигателяхъ, помѣщенномъ въ *Русской Старинѣ* <sup>1)</sup>.

Впослѣдствіи взглядъ этотъ подвергся серьезной критикѣ, причемъ доказывалось, что самосожженіе вовсе не было дѣломъ подобнаго сектаторства и чисто произвольнаго самоубійства, а что, наоборотъ, оно обуславливалось, главнымъ образомъ, безпощадными преслѣдованіями и гоненіями, направленными въ то время противъ раскольниковъ. «Самосожигательство, — говоритъ по этому поводу г. Есиповъ, — есть крайній исходъ борьбы за дѣйствительно усвоенные догматы, форма самоубійства, принятая во имя догматовъ для окончательнаго избѣжанія отъ преслѣдованія, отъ истязаній, которымъ подвергались старовѣры, попадавшіеся въ руки правительства. Еслибъ это былъ догматъ, то онъ проявлялся бы самъ собою, между тѣмъ какъ всѣ извѣстные до сихъ поръ случаи обнаруживаютъ положительно, что старовѣры сожигались только тогда, когда приходили брать ихъ силою, и всегда въ глазахъ пришедшей воинской команды» <sup>2)</sup>.

Еще болѣе рѣшительно высказывается въ этомъ направленіи авторъ извѣстнаго предисловія къ изданію *Исторіи Выговской пустыни*; онъ категорически отвергаетъ существованіе догматическаго ученія о самосожженіи для спасенія души или по призыву учителей и руководителей раскола. «Если бы это было

<sup>1)</sup> *Русская Старина* 1879 г., № 10.

<sup>2)</sup> Есиповъ: «Самосожигатели». *Отч. Записки* 1863 г., № 2, стр. 606.



такъ, — говоритъ онъ, — то у насъ были бы факты самоожженія добровольнаго, возбужденнаго этимъ ученіемъ, виѣ всякихъ другихъ побуждающихъ къ тому причинъ. Мы такихъ фактовъ не встрѣтили. Напротивъ, мы находимъ факты, доказывающіе положительно, что самоожженіе было не догматъ, не ученіе, а крайнее выраженіе борьбы съ сильнѣйшею властью, слѣдствіе убѣжденія въ своемъ безсиліи, въ невозможности избѣгнуть наказанія, — средство уравнять свое безсиліе пожертвованіемъ личностей».

«Что предшествовало самоожженію? — спрашиваетъ далѣе цитируемый нами авторъ. — Извѣстіе, что идутъ подъячїе, начальники съ солдатами и понатыми захватить укрывающихся раскольниковъ; затѣмъ слѣдовало соглашеніе раскольниковъ не отдаваться въ руки гонителей. Но чѣмъ противустать силѣ? Они собираются вмѣстѣ въ часовнѣ, въ церкви, въ избѣ или въ ригѣ, загораживаютъ себя бревнами, заборами, прокладываютъ вездѣ смольемъ и соломой, запираютъ двери, окна, ворота; укрѣпляютъ ихъ перекладами, бревнами, крѣпкими задвижками и ожидаютъ своихъ гонителей. Только при ихъ появленіи и только при нападеніи ихъ, заигался безчеловѣчный огонь, въ которомъ погибали они съ своими отцами, женами и дѣтьми. «Отойдите! — кричали они своимъ гонителямъ, — оставьте насъ, или мы сгоримъ!» Были случаи, что гонители отходили, — и самоожигатели не сожигались и оставляли свое намѣреніе»<sup>1)</sup>.

*Въ общемъ*, справедливость этого взгляда можетъ быть подтверждена цѣлымъ рядомъ фактовъ и данныхъ изъ исторіи раскола. Но въ частности, взглядъ этотъ требуетъ поправки и дополненій<sup>2)</sup>. Извѣстно, что расколъ, потерпѣвъ неудачу въ открытой борьбѣ съ властью, — борьбѣ, ареной которой служили, съ одной стороны, Соловки, съ другой — знаменитая кремлевская площадь въ Москвѣ, ушелъ и рассыпался по глухимъ и отдаленнымъ концамъ Россіи. Здѣсь, главнымъ образомъ въ сѣверномъ поморѣ, на первыхъ порахъ онъ также попытался было отстоять свою самостоятельность съ оружіемъ въ рукахъ. Но это снова, конечно, не удалось ему.

Въ числѣ попытокъ, предпринимавшихся поморскими расколь-

<sup>1)</sup> *Исторія Вызовской старообрядч. пустыни*. Спб., 1862 г., стр. V—VI.

<sup>2)</sup> Далѣе мы укажемъ примѣры, когда раскольники сожигались болѣе или менѣе добровольно, такъ сказать, по собственному почину, не будучи вынуждены къ этому никакими воинскими командами.

никами, съ цѣлью отстоять свою независимость, слѣдуетъ указать на ихъ набѣги на православные монастыри и церкви, — набѣги, которые устраивались ими «великими скопами», съ ружьями, пищалями, копьями, даже съ пушками, — словомъ, со всѣми атрибутами настоящаго, заправскаго бунта. Съ особеннымъ упорствомъ стремились они овладѣть извѣстнымъ Палеостровскимъ монастыремъ, находившимся въ самомъ центрѣ олонецкаго поморья, гдѣ такъ широко и прочно развилась безпоповщина. Считаемо необходимымъ напомнить здѣсь, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, объ этихъ набѣгахъ, такъ какъ всѣ они, потерпѣвъ неудачу, кончались обыкновенно самосожиганіями и, притомъ, въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ.

Въ января 1687 года «воры и церковные разбойники» пришли великимъ скопомъ (1,200 человекъ), вооруженные пушкою, ружьями, пищалями, копьями и бердышами, и овладѣли Палеостровскимъ монастыремъ». Прежде всего, они напали на монастырскую братію и служекъ, избили ихъ, ограбили и выгнали изъ монастыря. Затѣмъ они «размѣстились по всѣмъ монастырскимъ зданіямъ; церкви и даже самые алтари осквернили помѣщеніемъ непотребныхъ женщинъ и, въ довершеніе крайней своей осатанѣлости, въ алтарѣ пробили стѣну для отправленія испражнений». Шестъ недѣль владѣли раскольники монастыремъ. Когда же явились изъ Новгорода служилые люди, то раскольники, «не допуская ихъ поймать себя, заперлись въ церкви и сожглись»<sup>1)</sup>.

Два года спустя (въ 1689 г.), раскольники дѣлаютъ новый набѣгъ на Палеостровскій монастырь, снова берутъ его и на этотъ разъ владѣютъ имъ въ теченіе 9-ти недѣль. За это время они не разъ выѣзжали изъ монастыря по окрестностямъ «и людей правыхъ, жившихъ не въ совѣтѣ съ ними, грабили и мучили, а своихъ совѣтниковъ и становщиковъ собирали къ себѣ». Между прочимъ, ими было избито до полусмерти одинъ изъ окрестныхъ православныхъ священниковъ съ сыномъ... Наконецъ, явился отрядъ стрѣльцовъ.

Но «мятежники, приготовясь заранѣе къ отпору (для чего предварительно выжгли всѣ монастырскія зданія, находившіяся внѣ устроенной ими крѣпости), начали стрѣлять въ осаждающихъ, причемъ было убито ими солдатскаго строю прапорщикъ Портновскій, ранены пулями: протопопъ Левъ, подъячій

<sup>1)</sup> *Чтенія въ Импер. общ. исторіи и древ. рос.* 1868 г., т. I, ст. Палеостровъ, стр. 50.

Семень Ананьинъ, посадской человекъ Прокопій Ростовцевъ, и частію убито, частію ранено стрѣльцовъ и понятыхъ людей *болѣе 50 человекъ*.

Но, несмотря на это отчаянное сопротивление, въ концѣ-концовъ, раскольники, все-таки, должны были уступить правительственнымъ войскамъ, которыя значительно превосходили ихъ численностью.

*«Видя же неустойку и не желая отдаться живыми въ руки войскамъ»,* они рѣшились сгорѣть вмѣстѣ со всѣми монастырскими строеніями. И они дѣйствительно сгорѣли <sup>1)</sup>.

Точно такой же характеръ носятъ и многіе другіе случаи самоожженной раскольниковъ. Такъ, на примѣръ, лѣтомъ 1693 года (21 іюля), вооруженная толпа раскольниковъ, подъ предводительствомъ бѣжавшаго изъ Соловецкаго монастыря инока-бродяги Іосифа, сдѣлала нападеніе на церковь Пудожскаго погоста. При этомъ, прежде всего, они ударили въ набатъ, чтобы собрать народъ, потомъ вломились въ самую церковь, выгнали изъ нея священниковъ, «пересвятили ее по своему» и затѣмъ привели другъ друга къ присягѣ, «чтобы всѣмъ имъ стоять за одно». 12 августа, ограбивъ церковь, раскольники перешли въ деревню Строкину и заперлись здѣсь въ четырехъ большихъ заранѣе укрѣпленныхъ избахъ и дворахъ. Явился сотникъ съ стрѣльцами и понятыми людьми. На первыхъ порахъ попытались было подѣйствовать увѣщаніями; но раскольники, «изрыгая хулы на св. церковь, стали изъ избы стрѣлять въ стрѣльцовъ и понятыхъ». Эти бросились было рубить избы; тогда раскольники «сами зажглись въ нихъ, имѣя наготовѣ всѣ горючія вещества, и погибли всѣ, въ числѣ 800 человекъ» <sup>2)</sup>.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда, за недостаткомъ силъ или по другимъ причинамъ, раскольники не имѣли возможности оказать активнаго отпора осаждавшимъ ихъ воинскимъ командамъ, они ограничивались тѣмъ, что осыпали ихъ всевозможными ругательствами и бранью, «изрыгали хулы противъ церкви и царя», всячески поносили патріарха и духовенство, вообще изливали на словахъ всю свою вражду къ никоніанамъ. Когда же войска готовились захватить ихъ, они зажигали избы и гибли въ пламени. Приведемъ примѣръ изъ болѣе поздней эпохи.

<sup>1)</sup> Полкостровъ, его судьба и значеніе въ Обонежскомъ краѣ, стр. 51—52. Ученія въ Импер. общ. исторіи и древ. рос.

<sup>2)</sup> Макарій: «Исторія русскаго раскола». Спб., 1855 г., стр. 254.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія была наряжена къ поморцамъ извѣстная комиссія Самарина. Явившись въ Выговскіе скиты, члены комиссіи принудили поморцевъ принять молитву за царя. Затѣмъ, объѣзжая поморскіе скиты, комиссія случайно напала на Филипповъ скитъ; извѣстно, что старецъ Филиппъ рѣзко напалъ на выговцевъ за уступку, сдѣланную ими Самарину. Дворъ скита оказался обнесеннымъ высокимъ, плотнымъ заборомъ; посреди двора стояла «превеликая хоромина съ узенькими и продолговатыми окнами». Филипповцы, увидя пріѣзжихъ и услыжавъ отъ нихъ тѣ же требованія, которыя были предъявлены комиссіей поморцамъ, начали «осыпать ихъ ругательствами и поношеніями».

Они «называли ихъ еретиками и гонителями своими, говорили, что они охотнѣе за старую вѣру и за Христа умрутъ, не даваясь живыми въ руки бусурманамъ, нежели примутъ то нововводство, какое приняли отъ нихъ поморяне». Сколько ни просили члены комиссіи отворить имъ ворота, но, «кромѣ брани, ничего не получили». Тогда Самаринъ приказалъ выломать калитку въ заборѣ; но едва выломали, какъ увидали, что вся изба въ пламени, а наверху ея до 38 мужиковъ, обрекшихъ себя на смерть. Бросились къ колодезю, чтобы тушить пожаръ, но колодець оказался заваленнымъ дровами; отбили дверь въ избу, но встрѣтили другую стѣну, въ которой двери изнутри забраны были бревнами. Словомъ, скитники все предусмотрѣли и все подготовили, чтобы не отдаться живыми въ руки враговъ, и дѣйствительно всѣ, до одного человѣка, погибли въ пламени <sup>1)</sup>.

Съ теченіемъ времени случаи активного сопротивленія при самоожженіяхъ становятся все рѣже и ничтожнѣе.

Потерявъ всякую надежду добиться улучшенія своей участи, раскольники прибѣгаютъ къ искони излюбленному русскимъ народомъ средству—бѣгству.

Лѣса, пустыни и дебри наполнились бѣжавшими раскольниками. Здѣсь они думали укрыться отъ гоненій подъячихъ и ратныхъ людей; здѣсь они думали зажить «тихимъ и безмятежнымъ житіемъ». Но увы! слѣдомъ за ними летѣли грозные приказы о сыскѣ и поимкѣ раскольниковъ. Повсюду разсылались «ратные люди», офицеры и подъячіе съ командами стрѣльцовъ, которымъ строго приказывалось: «воровъ и церков-

<sup>1)</sup> *Иоанновъ*. 5-е изданіе, часть II, стр. 30; *Макарій*. Спб. 1855 г., стр. 275.

ныхъ раскольниковъ, сыскавъ, имать и къ распросу и розыску присылать, а пристанища ихъ воровскія разорать, жечь безъ остатку, чтобъ они, воры, не множились и впредь пристанища имъ, ворами, не было»<sup>1)</sup>).

Раскольники хорошо знали, что ожидало тѣхъ изъ нихъ, которые попадали въ руки ратныхъ людей и подъячихъ «подъ карауломъ». Они знали, что за одни разговоры о крестѣ, о просфорахъ, — разговоры, въ которыхъ усматривались хотя малѣйшіе признаки «раскола», «чинилось жестокое наказаніе: били кнутомъ на козлѣ, били батогами нещадно, при многихъ людѣхъ, чтобъ, на то смотря, инымъ раскольщикамъ неповадно было воровать и церковный расколъ и мятежь чинить», оковавъ въ желѣзо, садили «въ земляныя тюрьмы» и не допускали къ нимъ никого, «покаместъ они обратятся на истинный путь», держали въ этихъ тюрьмахъ «неисходно», пока смерть не освобождала несчастныхъ изъ заточенія, рѣзали языки, отрубали руки и т. д. Но этого мало. Раскольниковъ, упорствовавшихъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, ожидала страшная казнь: сожженіе заживо въ срубѣ или въ кострѣ, съ развѣяніемъ по вѣтру пепла<sup>1)</sup>).

Все это отлично знали раскольники, и вотъ потому-то они, при «нашествіи гонителей», съ такой готовностью кидались въ огонь и предпочитали сгорать, не дожидаясь, пока ихъ возьмутъ ратные люди подъ караулъ «на лютое мучительство». «А елицы не могоша вышенисаныхъ мубъ терпѣти, — нишетъ Иванъ Филиповъ, — мнози же и число превосходящи народы вооружающеса вѣрою собирахуса, кому гдѣ возможно баше. При нашествіи мучителей и отъ нихъ сожигахуса, а овые отъ ихъ наѣзду со оружіемъ и съ пушками *болящеса ихъ мучительства сами сожигахуса*»<sup>2)</sup>).

Правительство не могло, конечно, не обращать вниманія на это печальное явленіе; и дѣйствительно, мы видимъ цѣлый рядъ распоряженій и приказовъ, направленныхъ противъ самосожигателей. Къ сожалѣнію, оно боролось чисто внѣшними средствами, т.-е. путемъ разсылки командъ, стрѣльцовъ и подъячихъ, которые должны были ловить, сажать въ тюрьмы. Каковъ былъ результатъ отъ подобныхъ «мѣръ», можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

<sup>1)</sup> *Акты историческіе*, томъ V, стр. 256.

<sup>2)</sup> *Исторія Выговской старообрядческой пустыни*.

При самосожжении въ деревнѣ Кузиной, Исетскаго округа, въ 1761 году, раскольники прямо заявляли, что «предаютъ себя сгорѣнію отъ грабительства и разоренія присылаемыхъ командъ, для того, что многіе между раскольниками безвинные взяты въ Тобольскъ и въ заключеніи претерпѣваютъ голодь и мученье и никому-де свободы нѣтъ».

Мѣстные окружные жители, собравшись около горѣвшаго дома, также говорили: «ежели-де изъ Тобольска еще такая же команда придетъ, то и мы, да и многіе въ нашихъ мѣстахъ ко сгорѣнію себя приведемъ». Сенать, разсмотрѣвъ донесенія по этому дѣлу, нашель, что сожженіе и смятеніе народа произошло не отчего иного, какъ именно «отъ непорядочныхъ поступковъ духовной консисторіи противъ исетскихъ жителей и отъ разореній, чинимыхъ посланными священникомъ и командой»<sup>1)</sup>.

Вообще, по тѣмъ заявленіямъ, какія дѣлались раскольниками передъ самосожженіями, лучше всего можно судить о мотивахъ, заставлявшихъ ихъ искать преждевременной смерти. При самосожженіи 1756 года, въ Сибири, въ деревнѣ Мальцевой, раскольники, въ отвѣтъ на увѣщанія властей, требовали: обязать священника не брать поборовъ, смѣнить начальство за то, что оно отрывало ихъ отъ земли и мучило на работахъ, заставляя строить дощаники и возить хлѣбъ въ дальнія мѣста; говорили, что они разорены такъ, что имъ и жизнь не мила; далѣе они заявляли, что не вѣрятъ словамъ чиновниковъ и боятся расположиться на нихъ<sup>2)</sup>.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія раскольниковъ, обрѣкшихъ себя на сожженіе, болѣе или менѣе удовлетворялись, когда правительство находило людей, которые умѣли возбудить въ нихъ довѣріе къ себѣ и повліять на нихъ силою убѣжденія, раскольники обыкновенно отказывались отъ своего намѣренія «жечься». Такой случай былъ, на примѣръ, въ 1764 году, въ Новгородской губерніи, Медвѣдской волости, въ деревнѣ Любачѣ. Здѣсь 60 человекъ экономическихъ крестьянъ, продавъ или раздавъ свое имущество и забравъ съ собою дѣтей, собрались въ избу къ одному изъ своихъ односельцевъ «для присоединенія къ расколу». Крестьянамъ своей деревни они говорили, что какъ скоро ихъ наберется полное число, то немедленно сожгутся;

<sup>1)</sup> Современная Лѣтопись 1861 г., № 4.

<sup>2)</sup> Максимовъ: «Сибирь и каторга», ч. II, стр. 238.

но, видно, намѣреніе сжечься еще не вполнѣ въ нихъ созрѣло. Начались обычные мѣры: къ дому приставили караулъ, прислали военную команду, изъ Новгорода пріѣхалъ архимандритъ съ протопопомъ. Начались увѣщанія, причемъ «поручикъ изъ инструкции пристойные для нихъ пункты читалъ». Увѣряли собравшихся, что какъ скоро они запишутся въ раскольниковій окладъ и подадутъ о томъ сказки, то ихъ спокойно отпустятъ въ дома.

На всѣ эти убѣжденія собравшіеся отвѣчали такъ: «Мы въ двойной окладъ записываться не хотимъ, а ваша вѣра неправая, и крестъ вашъ четвероконечный прелестный... Если вы станете насъ разорять, то мы не дадимся и сдѣлаемъ, что Господь прикажетъ. А не станете разорять, то и горѣть не хотимъ».

Но и при этомъ они требовали, чтобы имъ дана была «грамота за рукою государыни», что ихъ «никто трогать не долженъ, чтобы въ двойномъ окладѣ имъ не быть и въ церковь не ходить, и священниковъ не слушать».

Такъ какъ подобной «грамоты» имъ не давали, то поэтому раскольники и сидѣли запершись въ осадѣ весь августъ и сентябрь мѣсяцы. На дворѣ у себя они вырыли колодець для воды и поддерживали въ избѣ огонь днемъ и ночью. Однажды они выпросили у поручика Бопылева, заправлявшаго осадой, разрѣшеніе сходить на огородъ за овощами. Получивъ позволеніе, они отправились въ огородъ, предварительно вооружившись ружьями, рогатинами, топорами и дубьемъ; набравъ овощу, они воротились и снова заперлись попрежнему.

Поручикъ уговаривалъ ихъ, чтобы они убрали свой хлѣбъ, который оставался въ полѣ не сжатымъ. Но раскольники отвѣчали, что хлѣбъ собирать не будутъ, что Господь ихъ и безъ того прокормитъ, въ дома же свои они не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока не пришлютъ имъ указа изъ сената. «А губернскихъ указовъ, хоть сколько присылай, они ихъ не послушаютъ».

Обо всемъ этомъ новгородская губернская канцелярія донесла сенату, испрашивая разрѣшенія, какъ ей быть въ этомъ случаѣ. Сенатъ разсудилъ такъ: забрать всѣхъ раскольниковъ непримѣтною командою подъ караулъ и сослать ихъ (кромѣ дѣтей моложе 10-ти лѣтнаго возраста) въ нерчинскіе рудники, въ работу. При этомъ сенатъ и на будущее время предлагалъ поступать такимъ же точно образомъ со всѣми скопищами, которыя, несмотря на увѣщанія, не откажутся отъ намѣренія сжечься.

Но государыня сдѣлала поправку въ сенатскомъ докладѣ: она приказала выбрать изъ мѣстныхъ раскольниковъ, «которые поумнѣе и поблагонравнѣе», послать ихъ уговаривать застѣвшихъ въ засаду; «а буде и сего не послушаютъ, то учинить по сему докладу». Мѣра эта была немедленно же испробована новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ и дѣйствительно удалась: раскольники отказались отъ намѣренія жечься.

Выяснивъ то значеніе, какое имѣли въ дѣлѣ самосожигательства раскольниковъ религіозныя гоненія, мы должны затѣмъ сдѣлать оговорку. Дѣло въ томъ, что «власти, преслѣдуя раскольниковъ, приняли древній способъ казни—сожженіе, но раскольники составили себѣ убѣжденіе, что этого рода мученическая смерть ведетъ въ царствіе небесное, а потому не только не устрашались ея, но сами искали»<sup>1)</sup>. Въ священномъ писаніи они находили мѣста, которыя еще болѣе убѣждали ихъ въ этой мысли. Такъ, Иванъ Филиповъ, рассказывая о самосожигательствахъ «отъ нашествія мучителей», тутъ же приводитъ примѣры изъ церковной исторіи, одобряемые Григоріемъ Богословомъ,—примѣры, въ которыхъ проявилась та же ревность—«не пождать, чтобы къ чистому прикоснулось нечистое».

Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ прошеніе, написанное тобольскими раскольниками въ 1679 году на имя государя. Прошеніе начинается просьбою дать царскій указъ, «чтобы приказные люди къ намъ нагло не пріѣзжали, ради своея бездѣльной корысти, и насъ, бѣдныхъ, не разоряли и къ новой вѣрѣ не приводили и не нудили закащики и попы, бывшего Никона патріарха ученики». За старую вѣру просители «на смертный часъ готовы, пострадать и во огнѣ горѣти, яко же у Даниила священноинока пострадали». Вслѣдъ за этимъ идутъ ссылки на «божественное писаніе», на книгу *Прологъ*, въ которой сказано: «Филиидъ, священномученикъ, не изволилъ пострадать, но обязавши главу свою и верже себя съ высока мѣста, тако скончался»; затѣмъ «святые мученицы Домника да двѣ дщери ея, Виринія и Проскудила, сами себя въ рѣку вверже, тако скончашася»; «святая мученица Манефа сама ся вверже въ пещь, тако скончашася, и иные мнози, государь, святые мученики тако скончашася, *отъ своихъ рукъ пострадаша, во образъ намъ*».

<sup>1)</sup> Костомаровъ: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Спб., 1874 г., томъ II, стр. 217.



Прошеніе оканчивается такъ: «А зѣло много нынѣ, государь, болѣзнують христіане о старомъ благочестіи... Воленъ ты, великій государь, аще хотя единаго изъ насъ челоуѣка на истязаніе о старомъ благочестіи на испытаніе возмешь, и мы всѣ заединодушно пострадати хоцемъ, аще плотію розно, а духомъ вмѣстѣ: онъ станеть въ Тобольскѣ страдати, а мы здѣся горѣть... за Христа пострадати изволимъ!»<sup>1)</sup>

Съ теченіемъ времени среди раскольниковъ-безпоповцевъ все чаще и чаще начинается высказываться мысль о томъ, что путемъ самоожженія челоуѣкъ можетъ очиститься отъ своихъ грѣховъ. Начинаютъ появляться учителя и пропагандисты самоожженія, какъ искупительной жертвы. Такіе пропагандисты появлялись, напримѣръ, въ Сибири, во время управленія сибирской епархіею митрополита Игнатія. Въ извѣстныхъ посланіяхъ Игнатія встрѣчаемъ обличенія современныхъ ему «еретиковъ»: лжечернеца Юсифа Арменина и венгерскаго лжечернеца Авраама Жидовина», которые «запрещали ходить въ церковь, вѣнчаться; причащаться» и, въ то же время, учили «сожигать самихъ себя, называя это новымъ крещеніемъ въ огнѣ»<sup>2)</sup>.

Какъ г. Есиповъ, такъ и авторъ предисловія къ *Исторіи Выговской старообрядческой пустыни* не правы, утверждая, какъ мы видѣли, столь категорически, что старовѣры сожигались *только тогда*, когда приходили брать ихъ силою. Въ настоящее время стало извѣстно не мало такихъ случаевъ, когда самоожженія происходили болѣе или менѣе добровольно, когда никакого прямого давленія на раскольниковъ, обречшихъ себя на смерть, не было, когда ни командъ, ни подъячихъ для ареста ихъ не появлялось. Такой случай былъ, напримѣръ, въ деревнѣ Лучинкиной, Тюменскаго уѣзда, въ 1753 году, когда сразу сожглось около 200 челоуѣкъ раскольниковъ. Случай этотъ весьма подробно разсказанъ въ статьѣ г. Загоскина.

Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что раскольники-безпоповцы<sup>3)</sup> смотрѣли на самоожженіе какъ на дѣло вполне богоугодное, спасительное для души. Въ извѣстномъ стихѣ объ антихристѣ дѣлается даже прямой призывъ къ самоожженію, съ цѣлью

<sup>1)</sup> «Дополненіе» къ *Актамъ историческимъ*, т. VIII, № 50.

<sup>2)</sup> *Православный Собесѣдникъ* 1855 г., кн. 1. Три посланія блаженнаго Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго.

<sup>3)</sup> Именно безпоповцы, такъ какъ огромное большинство самоожигающей приходило въ ихъ средѣ.

избѣжать сѣтей антихриста, и въ награду общается царство небесное и блаженство рая. Вотъ этотъ стихъ:

Народился духъ нечистый,  
 Духъ нечистый—злой антихристъ;  
 И пустиль онъ свою прелесть  
 По городамъ и по селамъ.  
 Людей моихъ изгоняетъ,  
 Въ свою вѣру принуждаетъ,  
 Въ свою церковь ходить заставляетъ,  
 Своихъ поповъ поставляетъ,  
 Своихъ судей посылаетъ...

И затѣмъ слѣдуетъ страстный, горячій призывъ «не сдаваться» этому врагу всего живаго и чистаго, а бѣжать отъ него, бѣжать въ «горы и вертепы», и тамъ умереть,—умереть во имя вѣчной жизни, которая ждетъ насъ тамъ, на небѣ, «въ райскихъ свѣтлицахъ»

Не сдавайтесь вы, мои свѣты,  
 Тому змію седмглаву.  
 Вы бѣгите въ горы, вертепы,  
 Вы поставьте тамъ костры большіе,  
 Положите въ нихъ сѣры горючей,  
 Свои тѣлеса вы сожгите.  
 Пострадайте за меня, мои свѣты,  
 За мою вѣру Христову:  
 Я за то вамъ, мои свѣты,  
 Отворю райскія свѣтлицы,  
 И введу васъ въ царство небесно,  
 И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно <sup>1)</sup>.

Само собою понятно, что подобныя призывы не могли бы имѣть такого вліянія и значенія, еслибъ не существовала для этого вполне благоприятно подготовленная почва въ видѣ тяжелыхъ въ то время условій общественнаго положенія старовѣровъ <sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что если первыя самоожженія были дѣломъ отчаянія, паническаго страха предъ всемогущимъ врагомъ, то въ послѣдствіи, съ теченіемъ времени, самоожженіе превратилось въ ужасающую эндемію, безпримѣрную въ исторіи человѣчества.

<sup>1)</sup> Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный В. Варенцовымъ. Спб., 1860 г., стр. 184 и 185.

<sup>2)</sup> Памятная книжка Олонцкой губерніи за 1868-69 г., стр. 194.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Петра III, какъ извѣстно, правительство ослабило строгія мѣры къ преслѣдованію раскольниковъ. Новый императоръ велѣлъ прекратить преслѣдованія и поручилъ сенату написать особое учрежденіе о раскольникахъ въ духѣ вѣротерпимости (указъ 29 января 1762 года). Сенатъ предписалъ всѣмъ губернскимъ канцеляріямъ, чтобы развѣдывали, нѣтъ ли гдѣ раскольничьихъ сборищъ для сожженія, и посылали туда достойныхъ людей для увѣщанія.

При этомъ приказано было спрашивать, для чего они такое душепогибельное намѣреніе чинятъ, и ежели показывать будутъ, что такое богомерзкое намѣреніе воспріяли они отъ причиняемыхъ имъ по одному ихъ расколу притѣсненій и забиранія подъ караулъ, то ихъ увѣрить, что производимыя о нихъ слѣдствія уже уничтожить повелѣно, которыя и дѣйствительно нынѣ оставить и содержащихся подъ карауломъ тотчасъ въ дома отпустить, и вновь никого не забирать <sup>1)</sup>). И съ этихъ поръ самосожиганія дѣйствительно утрачиваютъ характеръ чудовищной эпидеміи.

О другихъ видахъ религіознаго самоумерщвленія и самоистребленія мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

А. Пругавинъ.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

<sup>1)</sup> «Современная Лѣтопись» *Русскаго Вѣстника* 1861 г., № 4, стр. 24.

## САМОИСТРѢВЛЕНІЕ \*).

Проявленія аскетизма и фанатизма въ расколѣ.

(Очерки, аналогіи, параллели).

У.

### Нѣтовщина. Проповѣдь самоубійства.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ часто на почвѣ разумной религіи возникаютъ крайне уродливыя уклоненія. Среди магометанъ до сихъ поръ еще непоколебимо живетъ вѣра въ дервишей, этихъ бродячихъ пророковъ, которые неистово скачутъ и кружатся до полнаго истощенія силъ и въ этомъ состояніи предсказываютъ всѣмъ, кто пожелаетъ узнать отъ нихъ будущее. Въ Индіи факиры сами изобрѣтаютъ для себя невѣроятныя истязанія, смотрятъ на солнце, пока не ослѣпнутъ, по нѣскольку мѣсяцевъ не сходятъ съ одного и того же мѣста и т. д. «Даже и на свѣтломъ фонѣ христіанства появляются тяжелыя преувеличенія вродѣ католическаго изувѣрствâ, изобрѣтающаго самовольныя жестокія истязанія и полное отрѣшеніе отъ жизни, проклинающаго эту жизнь и посылающаго на костеръ всякаго, кто думаетъ иначе» \*\*).

Но о разныхъ видахъ и формахъ самобичеванія и истязанія плоти мы подробнѣе будемъ говорить нѣсколько ниже, а теперь остановимся на случаяхъ прямаго убійства и самоубійства изъ-за религіозныхъ побужденій. На дальнемъ Востокѣ, какъ, напри-

\*) *Русская Мысль*, кн. I.

\*\*\*) «Реальные основы мистическихъ явленій». *Знамя* 1871 г., № 1, стр. 59.

и върѣ, въ Индіи, и до сихъ поръ можно встрѣтить людей, съ восторгомъ и наслажденіемъ видающихъ подѣ тяжелыя колесницы, на которыхъ везутъ изображенія ихъ боговъ. Фанатики, съ цѣлю умилостивить божество, бросаютъ малолѣтнихъ дѣтей подѣ ноги лошадамъ, которыя везутъ священныя колесницы.

У насъ, въ Россіи, главнымъ образомъ, среди послѣдователей нѣкоторыхъ мистическихъ сектъ раскола, также нерѣдки случаи убійства изъ-за религіозныхъ мотивовъ. Конечно, въ наше время эти случаи повторяются гораздо рѣже и несравненно въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, въ эпоху сильнаго подъема мистицизма, развитіе котораго въ народѣ обуславливалось многими темными сторонами и недостатками общественнаго и культурнаго строя народной жизни того времени. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ этого рода.

Въ 1781 году, на свѣтлой недѣлѣ Пасхи, въ слободѣ Злынкѣ, Киевской губерніи, раскольникъ филипповской секты «перекрестилъ жену свою беременную и троихъ дѣтей, которыхъ всѣхъ въ ту же ночь сонныхъ убилъ, для того, чтобы новокрещенныхъ мучениковъ удобнѣе отправить въ рай». Утромъ онъ явился въ мѣстное правленіе и «дерзновенно» объявилъ:

— Я мучитель былъ своимъ, а вы будете мнѣ; и такъ, они отъ меня, а я отъ васъ пострадаю; и будемъ вкупѣ за старую вѣру въ царствѣ небесномъ мученики \*)»

Въ 1782 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Сибири «по прельщенію лжеучителя Суерскаго острога, крестьянина Михаила Мензелина, утопилось въ озерѣ Сазыкулѣ Песчанаго зимовья мужскаго пола со вновь рожденными *десять душъ*». Мензелинъ училъ приносить себя въ жертву «Тебя ради, Господи». Соглашавшихся онъ топилъ въ озерѣ или закирвалъ въ избу и сжигалъ \*\*).

Въ селѣ Баранчѣ, Верхотурскаго уѣзда, среди мѣстныхъ крестьянъ сохранилось слѣдующее преданіе. Рассказываютъ, что въ одной деревнѣ (это было давно) старикъ «для спасенія» все свое семейство въ лѣсу уморилъ и самъ тутъ же погибъ. Дѣло было такъ. Всю свою семью старикъ завелъ въ лѣсъ, въ отдаленное, глухое, заранѣе имъ намѣченное мѣсто. Здѣсь они увидѣли цѣлый рядъ особымъ образомъ срубленныхъ деревьевъ; особенность рубки состояла въ томъ, что отъ деревьевъ были

\*) Андрей Ивановичъ: «Полное историческое извѣстіе о древнихъ стрягольничихъ и новыхъ раскольничихъ...» Спб., 1855 г., стр. 33.

\*\*) Русская Старина 1879 г., № 10, стр. 337—339.

оставлены высокіе, въ поясъ человѣка и даже выше, — пни. Старикъ надколѣлъ эти пни и забилъ въ нихъ клинья. Затѣмъ, указывая на отверстіе, образовавшееся ниже клиньевъ, онъ говоритъ своей женѣ: «вложи сюда руки». Та повинуется, вкладываетъ руки, а старикъ тѣмъ временемъ выбиваетъ клинь. Дерево, конечно, со страшной силой стискиваетъ руки несчастной. То же самое было сдѣлано и со всѣми дѣтьми. Прикрѣпивъ такимъ образомъ всѣхъ къ деревьямъ, старикъ и для себя приготовилъ такую же точно ловушку; затѣмъ свою лѣвую руку онъ вложилъ въ щель, а правой вытащилъ клинь... Такъ тутъ всѣ и погибли \*).

По увѣренію протоіерея Іоаннова, «въ прежнія строгости, какія употребляемы были для прекращенія заблужденія ихъ (раскольниковъ), многіе по олонецкимъ пустынямъ жившіе филипаны (филипповцы) острый ножъ за голенищемъ съ собою всегда носили, чтобы, въ случаѣ объѣзда командующихъ, не отдаться въ руки ихъ, но по горлу себя хватить и тѣмъ приобрести часть со страдальцами» \*\*). По словамъ того же автора, филипповцы «всякаго новоприходящаго уговаривали заповѣствоваться, т.-е. умерить себя голодомъ, чтобы скорѣе получить вѣнецъ мученическій. Ежели кто соглашался на это, таковымъ заповѣдывали сорокадневный постъ, по примѣру Христа Спасителя, постившагося въ пустынь».

При этомъ о. Іоанновъ описываетъ различныя подробности, которыми обыкновенно сопровождалось подобное «заповѣствованіе». По его словамъ, постниковъ, которые рѣшались подвергнуть себя сорокадневному посту, исповѣдовали по требнику и затѣмъ постригали въ монашество, и, «посхимивъ, сажали въ пустую избу». А чтобы «они преждевременно не умертвили себя, съ нихъ снимали всю одежду, поясъ и крестъ, и приставляли нарочно къ тому опредѣленныхъ людей, которые должны были напоминать имъ ихъ обѣтъ» и вообще слѣдить за ними.

«Постники дотолѣ молчатъ, доколѣ силы ихъ сносятся, а какъ начнутъ ослабѣвать, то вообразить не можно того мученія, какое терпѣть принуждены бываютъ. Они, бѣдные, тоскуютъ, тысячекратно раскаиваются, проклиная день рожденія своего и прельстившихъ ихъ, сами себя кусаютъ и терзаютъ. Желая

\*) Разсказъ этотъ записанъ нами по словъ учительницы народной школы въ селѣ Баранчѣ въ 1882 году.

\*\*\*) «Полное историческое извѣстіе...» и т. д., стр. 32.

ють скорой смерти, но не обрѣтають, ибо всѣ способы отняты. Молятъ о свободѣ, но не получаютъ. Просятъ жаждущей гортани каплю воды, но въ отвѣтъ отъ приставовъ слышать: «не дастся вамъ, не дастся, да не лишитесь свѣтлыхъ вѣнцевъ мученическихъ!» Напоследокъ, истерзавши сами себя, въ неопisanномъ безобразіи и отчаяніи испускають бѣдную душу свою \*).

Въ Пермской губерніи въ прежнее время были раскольники, которые нерѣдко замаривали себя голодомъ до смерти. Такіе раскольники въ Пермскомъ уѣздѣ назывались обыкновенно «морельщиками», а въ Красноуфимскомъ уѣздѣ «запощеванцами» (отъ слова постъ, поститься).

Въ царствованіе Государя Николая Павловича, во время гоненій на расколъ, пятнадцать человѣкъ мужчинъ и женщинъ изъ числа жителей села Ачиты, Красноуфимскаго уѣзда, отправились въ лѣсъ съ цѣлью уморить себя голодомъ. Зайдя въ чащу лѣса, они прикрѣпили себя къ деревьямъ посредствомъ цѣпей и замковъ, а ключи забросили. Въ такомъ положеніи они пробыли нѣсколько дней. Однако, мученія голода и нападенія безчисленныхъ мириадъ комаровъ, оводовъ, «мошки» и другихъ насѣкомыхъ оказались настолько невыносимыми, что нѣкоторые изъ фанатиковъ не выдержали и громко стонали, рыдали, ревѣли. Ихъ ревъ и крики услыхалъ проходившій по близости охотникъ. Не сразу понялъ онъ, въ чемъ тутъ дѣло, но, наконецъ, разобравъ суть, отыскалъ по ихъ указаніямъ заброшенные ими ключи и, такимъ образомъ, освободилъ несчастныхъ отъ цѣпей.

Когда ихъ, обезсиленныхъ голодомъ, измученныхъ и изъѣденныхъ комарами, оводами и мошкой, привезли въ Ачиту, «въ станъ», то жители сбѣжались со всего села и нанесли имъ хлѣба, шанегъ, лепешекъ и т. п. Нѣкоторые изъ запощеванцевъ, будучи не въ силахъ сдержаться, навинулись на хлѣбъ и съ жадностью поглощали его. Они жестоко поплатились за это: не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ они умерли въ страшныхъ мученіяхъ; остальные, которые сумѣли во время обуздать свой аппетитъ, остались живы \*\*).

Однимъ изъ довольно распространенныхъ видовъ религіознаго

\*) Idem., стр. 31.

\*\*\*) Разсказъ этотъ записанъ нами въ г. Перми, въ 1882 году, со словъ пермскаго старожилка М. М. Сыропитова.

самоубійства, какъ у насъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, является распятіе на крестѣ. Не мало подобныхъ примѣровъ представляетъ, между прочимъ, исторія аскетизма, въ которомъ религіозно-мистическое начало перемѣшалось съ чисто патологическимъ \*). «Конвульсіонеры» совершали надъ собой страшныя жестокости вродѣ того, что втыкали въ себя ножи, прокалывали себѣ языки и т. п.; но, не довольствуясь этимъ, они распинали себя на крестѣ, чтобы наказать себя за грѣхи и очиститься отъ нихъ.

Въ Сибири, въ городѣ Иркутскѣ, если не ошибаемся, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, былъ, на примѣръ, слѣдующій случай.

Одинъ старообрядецъ, долгое время изучавшій священное писаніе, пришелъ къ убѣжденію, что всѣ предписываемыя въ немъ подвиги слишкомъ легки и что необходимо подвергнуть себя всѣмъ мукамъ, которыя, для искупленія грѣховъ человечества, претерпѣлъ Спаситель міра.

Въ виду этого, онъ рѣшился пригвоздить себя ко кресту и умереть на немъ крестною смертью Христа. Онъ положилъ исполнить свой подвигъ безъ посторонней помощи и съ этой цѣлью, тайно отъ сосѣдей и родственниковъ, срубилъ и обтесалъ дерево, сдѣлалъ изъ него крестъ и плотно прибилъ его къ стѣнѣ своей избы. Въ то же время, онъ сдѣлалъ родъ копья съ желѣзнымъ остриемъ, приготовилъ гвозди, молотъ и все, что было нужно къ исполненію задуманнаго намѣренія.

Приготовившись къ этому подвигу 40 дневнымъ постомъ, несчастный приступилъ къ дѣлу слѣдующимъ образомъ.

Подмостившись къ нижней части креста, онъ прибилъ къ нему большими гвоздями обѣ ноги и потомъ къ поперечной перекладинѣ креста прибилъ ладонь лѣвой руки. Такъ какъ правую руку, безъ посторонней помощи, прибить было невозможно, то, чтобы сохранить, по возможности, то самое положеніе, въ которомъ былъ Иисусъ Христосъ на крестѣ, онъ между ребрами праваго бока воткнулъ острие копья и такимъ образомъ подперся имъ; но копьё, наставленное дрожащею и ослабѣвшею рукою, выскользнуло и упало. Страдалецъ, потерявъ равновѣсіе, повисъ на крестѣ всею тяжестью правой стороны тѣла.

\*) О значеніи патологическаго элемента въ исторіи аскетизма мы подробно поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.



Добровольнаго мученика застали такъ зашедшіе къ нему товарищи, жители одного съ нимъ завода. Страдалецъ еще былъ живъ. Тотчасъ вынули гвозди и полумертваго, обливаго кровью фанатика отравили въ больницу... Мѣсяца черезъ полтора онъ выздоровѣлъ и, разумѣется, былъ отданъ подъ присмотръ. Бъ сожалѣнію; осталось неизвѣстно, имѣлъ ли этотъ случай вліяніе на его убѣжденія \*).

Г. Максимовъ въ своемъ сочиненіи *Сибирь и каторга* приводитъ разсказъ о подобномъ же случаѣ самораспятія, бывшемъ также въ Сибири. Можетъ быть даже, что приведенный нами разсказъ и разсказъ, сообщаемый г. Максимовымъ, лишь различныя варьяціи объ одномъ и томъ же случаѣ; но въ разсказѣ г. Максимова находимъ нѣсколько штриховъ, которые выясняютъ мотивы и побужденія, вызвавшіе самораспятіе.

Призванный къ допросу, фанатикъ отвѣчалъ, что онъ, «жертвовалъ собою за грѣхи людскіе» и что онъ хотѣлъ умереть такъ, какъ умеръ Христосъ за людей... Въ этихъ отвѣтахъ сквозь оболочку мистицизма звучать струны той *мировой скорби*, которою болѣны мыслящіе люди нашей эпохи, той болѣзни, которую многіе называютъ недовольствомъ жизнью и дѣйствительностью и которой страдаетъ современное намъ поколѣніе.

Пессимистическое отношеніе къ жизни легло въ основу многихъ ученій въ духѣ раскола, но съ особенною силою и рельефностью выразилось оно въ ученіи секты, извѣстной подъ именемъ «глухой нѣтовщины», выдѣлившейся изъ «спасова согласія». Здѣсь пессимизмъ доведенъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, до абсурда, до прямого отрицанія жизни. Это своего рода религіозный нигилизмъ—результатъ самаго мрачнаго, самаго безнадежнаго отчаянія.

Нѣтовцы учатъ, что на землѣ теперь нѣтъ ничего святаго, вся жизнь осквернена антихристомъ, всѣ люди подпали подъ его власть и забыли о правдѣ, вездѣ и всюду — одно сплошное царство зла и грѣха. Нѣтъ ни учителей, ни наставниковъ, ни руководителей, нѣтъ ни средствъ, ни путей ко спасенію. Міръ утопаетъ въ грѣхѣ, міръ гибнетъ. И среди этой общей, неизбежной гибели лишь одинъ Спасъ можетъ только даровать человѣку спасеніе, и потому нужно стараться поскорѣе соединиться съ нимъ, нужно бросить скорѣе эту жизнь, полную

\*) Живописное Обзоріе 1874 г., № 52.

грѣха и неправды, покинуть эту землю, переполненную зломъ, — словомъ, нужно умереть. И вотъ они влагаютъ въ уста «Христа, царя небеснаго» слѣдующій совѣтъ всѣмъ, желающимъ избѣжать гибели:

Вы бѣгите въ темны лѣсы,  
Зарывайтесь песками,  
Рудожелтыми хращами,  
Помирайте-ка всѣ голодомъ.  
Не умрете—оживете,  
Моего царствія не минете.

Это воззваніе къ самоубійству не есть что-нибудь исключительное; напротивъ, въ стихахъ, распѣваемыхъ нѣтовцами, подобныя воззрѣнія встрѣчаются весьма часто и составляютъ довольно обычное явленіе. Такъ, въ одномъ изъ этихъ стиховъ поется слѣдующій призывъ также отъ имени Христа:

Убирайтесь, мои свѣты,  
Во лѣса, въ дальнія пустыни,  
Засыпайтесь, мои свѣты,  
Рудожелтыми песками,  
Вы песками, пепелами!  
Умирайте, мои свѣты,  
За крестъ святой, за молитву и т. д.

Въ награду обѣщается избавленіе отъ вѣчной муки и блаженство райской жизни. Но особенною, страшною силою отличается слѣдующая «пѣсня» нѣтовцевъ, записанная г. Майновымъ въ сѣверномъ поморьѣ. Полное, мрачное отчаяніе и слѣпой фанатизмъ, которыми всецѣло проникнута эта пѣсня, производятъ невыносимо тяжелое, удручающее впечатлѣніе. Вотъ этотъ поистинѣ ужасный гимнъ смерти:

Нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть!  
Лесть одна лишь править, лесть!  
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!  
Нѣсть и Бога въ мірѣ, нѣсть!  
Счесть нельзя безумства, счесть!  
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!  
Нѣсть и жизни въ мірѣ, нѣсть!  
Месть одна лишь братьямъ, месть!  
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть! \*)

\*) *Историческій Вѣстникъ* 1881, г. № 12, статья В. Майнова: «Живые покойники».

«За человѣка страшно!»—невольно хочется воскликнуть, слушая эту ужасную «пѣсню». Но, всмотрѣвшись внимательно въ это явленіе, которое на первый взглядъ кажется такимъ исключительнымъ, такимъ чудовищнымъ, мы, пожалуй, подмѣтимъ въ немъ черты, знакомыя намъ изъ области другихъ психическихъ явленій, болѣе близкихъ, болѣе извѣстныхъ и понятныхъ намъ. Мы, пожалуй, согласимся, что пессимизмъ нѣтовцевъ въ своей основѣ напоминаетъ намъ то же самое чувство, которое заставило Лермонтова признать жизнь безцѣльною, «пустою и глупою шуткою», которое заставило Шопенгауера видѣть въ жизни лишь бессмысленность и зло, — то чувство, которое заставляетъ буддистовъ предпочитать небытіе бытію и проповѣдывать нирванну и т. д., и т. д.

## VI.

### Жизнь—зло, спасеніе—въ смерти.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ массѣ русскаго народа, въ большинствѣ всегда наклоннаго къ реализму, мистическая проповѣдь смерти и самоубійства, — проповѣдь, которую вели учителя и послѣдователи нѣтовщины, не могла имѣть сколько-нибудь значительнаго успѣха. Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря, конечно, особымъ условіямъ и причинамъ, эта проповѣдь увлекала не мало жертвъ. Съ цѣлью показать, какъ иногда успѣшно воспринималось пессимистическое ученіе нѣтовцевъ, мы расскажем здѣсь исторію развитія этой секты среди помѣщичьихъ крестьянъ Саратовской губерніи, гдѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, идеи нѣтовщины наследственно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Мѣстомъ дѣйствія является село Копены, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія село это принадлежало богатому помѣщику Дмитрію Львовичу Нарышкину. По увѣренію автора статьи *О саможигательствѣ раскольниковъ* \*), жители этого села «платили легкій оброкъ, имѣли надъ собой управителей изъ крестьянъ своего села и жили весьма свободно». Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе этого мнѣнія, которое, такимъ образомъ, остается совершенно голословнымъ.

\*) *Православный Собесѣдникъ* 1861 г., апрѣль, стр. 431.

— Одно не подлежит сомнію, это именно то, что среди копенскихъ жителей издавна существовала склонность къ расколу. Однако, до 1800 года жители села Копень придерживались только обычаевъ и общихъ вѣрованій раскола, но не принадлежали къ какой-нибудь определенной сектѣ: они молились двумя перстами, требовали отъ священниковъ хожденія посолонь, совершенія обрядовъ и таинствъ по старопечатнымъ книгамъ, но бѣглыхъ раскольничьихъ доповъ къ себѣ не принимали, особыхъ часовенъ не имѣли, а нѣкоторые даже отличались усердіемъ къ церкви.

Въ это время, — въ началѣ настоящаго столѣтія, — по Саратовской губерніи, какъ и вообще по всему Поволжью, свободно расхаживали проповѣдники разныхъ раскольничьихъ ученій. Жители села Копень охотно принимали къ себѣ этихъ странствующихъ пропагандистовъ, говорившихъ «отъ писанія», слушали ихъ, поучались. Въ числѣ этихъ бродячихъ проповѣдниковъ были послѣдователи спасова согласія или нѣтовщины. Имъ, между прочимъ, удалось «созратить въ свою секту» одного изъ крестьянъ села Копень — Якова Ефимова Юшкина, который пользовался среди своихъ односельчанъ большимъ уваженіемъ за начитанность и строго-нравственный образъ жизни.

Яковъ Юшкинъ большую часть времени проводилъ въ лѣсу за рѣкой Медвѣдицей, гдѣ онъ имѣлъ пчельникъ съ разными постройками для жилья. Здѣсь онъ молился, читалъ книги священнаго писанія, толковалъ и объяснялъ ихъ приходившимъ къ нему крестьянамъ, поучая ихъ догматамъ нѣтовщины. Особенно много сходилось къ нему по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Нѣкоторые изъ копенскихъ жителей построили себѣ въ лѣсу, около пчельника Юшкина, кельи, куда уходили въ свободное время, чтобы на досугѣ послушать поученія Якова. Такъ какъ поученія эти не заключали въ себѣ ничего особенно поразительнаго, ибо Юшкинъ проповѣдывалъ умѣренную нѣтовщину, то они и не возбуждали подозрѣній въ мѣстномъ начальствѣ. Но вскорѣ условія измѣнились, такъ какъ въ Копенахъ появился новый проповѣдникъ, какой-то бродяга Фалалей, приверженецъ *глухой* нѣтовщины, какъ мы видѣли, особенно склонной къ самоубійству.

Фалалей, прежде всего, постарался привлечь на свою сторону сына Якова, Алексѣя Юшкина, научилъ его читать и «распалъ молодое его воображеніе вольнымъ мученичествомъ». За-

тѣмъ Фалалей, при помощи Алексѣя, началъ читать собиравшимся у него крестьянамъ о «послѣднемъ времени», о пришествіи антихриста; стараясь внушить имъ, что въ нынѣшнее антихристово время нѣтъ для человѣка никакихъ средствъ къ спасенію, кромѣ добровольнаго самоубійства. Жить дольше въ мірѣ, погрязшемъ въ грѣхѣ и неправдѣ, невозможно; единственное спасеніе уйти отъ этой засасывающей массы зла и преступленій—это смерть. И такъ, нужно умереть,—«умереть за Христа».

.. Это дикое, мрачное ученіе нашло себѣ хорошую почву. Вскорѣ явилось много послѣдователей, сгоравшихъ нетерпѣніемъ умереть за Христа. Тайно, тщательно скрывая свой планъ отъ Якова Юшкина, они начали готовить себѣ огромную пещеру въ уединенномъ мѣстѣ на рѣчкѣ Перевозинкѣ, въ 25 верстахъ отъ села Коленъ. Рѣшено было собраться въ эту пещеру и для спасенія своихъ душъ заморить себя въ ней голодомъ. Но планъ этотъ былъ разстроенъ Яковомъ Юшкинымъ, который, узнавъ о немъ, наказалъ своего сына Алексѣя чрезъ сельскихъ десятниковъ розгами, впрочемъ, не объявивъ вины сына, и строго запретилъ ему приводить въ исполненіе нечестивый замыселъ. Дѣло пока на этомъ остановилось.

Алексѣй покорился необходимости, но не отказался отъ своего плана и началъ выжидать удобнаго случая, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе. Такой случай скорѣ представился. Въ 1802 году отецъ его, Яковъ Ефимовъ, отправился въ г. Пензу по мірскому дѣлу. Воспользовавшись отсутствіемъ отца, Алексѣй Юшкинъ снова еще съ ббльшею энергіей началъ свою проповѣдь о необходимости немедленно же умереть. Преніе его послѣдователи не замедлили откликнуться на его призывъ. Явилось «84 человѣка разнаго пола и возраста»; всѣ они были готовы «умереть за Христа».

Въ глухую ночь всѣ, обречшіе себя на добровольную смерть, собрались въ заранѣе приготовленной пещерѣ на рѣчкѣ Перевозинкѣ. Алексѣй Юшкинъ читалъ предъ ними священное писаніе и увѣщевалъ быть твердыми въ своемъ намѣреніи и мужественно встрѣтить смерть; онъ увѣрялъ, что «для ихъ душъ отверзаются врата рая».

Въ пещерѣ сложено было много соломы и хворосту для того, чтобы, въ случаѣ розыска или, какъ говорилъ Алексѣй, погони отъ антихриста, не отдаться живыми въ руки его слугъ, но

тотчасъ зажечь солому и погибнуть въ пламени. Самъ Алексѣй, однако, не хотѣлъ умирать со своими послѣдователями, говоря, что «некому будетъ поминать ихъ, а Фалалей, дескать, молится за другихъ».

Одна изъ бывшихъ въ пещерѣ женщинъ усумнилась въ спасительности добровольнаго самоубійства и рѣшилась бѣжать изъ пещеры. Она начала просить Алексѣя отпустить ее на рѣчку подѣ предлогомъ напоить умиравшаго отъ жажды младенца. Алексѣй сначала отказывалъ, но затѣмъ согласился, взявъ съ нея клятву возвратиться въ пещеру. Пользуясь темнотою ночи, женщина скрылась сначала въ кустарникъ, потомъ вышла въ поле и, найдши ночевавшихъ тамъ людей, объявила имъ о замыслахъ Алексѣя Юшкина и его послѣдователей.

Крестьяне сѣли на лошадей и поскакали въ село Копены, гдѣ произвели тревогу и объявили обо всемъ бурмистру и священнику. Немедленно собранъ былъ народъ и отправленъ на рѣчку Перевозинку, къ пещерѣ. При этомъ они были предупреждены, что сидѣвшіе въ пещерѣ при появленіи погони намѣрены зажечь солому и погибнуть въ дгнѣ. Поэтому посланные постарались подойти къ пещерѣ предъ утренней зарей сколько возможно тихо и незамѣтно. Подойдя къ рѣчкѣ, они увидали, что по берегу ея ходитъ какой-то человекъ съ веревкою въ рукахъ. Это былъ самъ Алексѣй Юшкинъ; вѣроятно, онъ разыскивалъ ушедшую изъ пещеры женщину. Замѣтивши толпу, направляющуюся къ пещерѣ, Юшкинъ опрометью бросился туда и началъ кричать:

— Антихристъ идетъ!... Спасайтесь! Не давайте живые въ руки!

Но такъ какъ путь въ пещеру ему былъ отрѣзанъ наступавшей толпой, то онъ пустился бѣжать обратно къ рѣчкѣ, бросился въ воду и «старался захлебнуться». Но его схватили и вытащили на берегъ.

Между тѣмъ, сидѣвшіе въ пещерѣ зажгли солому и хворостъ, чтобы задохнуться въ дыму. Сбѣжавшіеся крестьяне старались вызвать самосожигателей, но тѣ не хотѣли слушать никакихъ увѣщаній. Тогда крестьяне начали заливать огонь чрезъ отверстіе и силою вытаскивать сидѣвшихъ въ пещерѣ. Но такъ какъ отверстіе было очень узкое, то поэтому работа ихъ подвигалась очень медленно.

Произошло страшное смятеніе. Спасовцы пришли въ крайнее

изступленіе, начали вырываться изъ рукъ непрощенныхъ спасителей, рубить себѣ пальцы, а одинъ изъ нихъ—Егоръ Афанасьевъ схватилъ дѣвочку, ударилъ ее о камень и, только какимъ-то чудомъ не убилъ до смерти. Видя, что дѣвочка осталась жива, Афанасьевъ кинулся къ своей женѣ, вырвалъ изъ рукъ ея малолѣтняго сына и ударомъ о камень убилъ его, со словами:

— За Христа убиваю!

Наконецъ, самоубійцы были обезоружены и спасены. Немедленно донесено было объ этомъ начальнику губерніи и земскому суду. Началось дѣло. Алексѣй Юшкинъ признанъ былъ виновнымъ «въ склоненіи простодушныхъ къ самоубійству». Другой изъ руководителей этого дѣла, Фалалей, успѣлъ скрыться отъ властей. Юшкинъ сосланъ былъ на островъ Эзель, Лифляндской губерніи, а Егоръ Афанасьевъ, убившій ребенка, посланъ въ монастырь на покаяніе. Всѣ остальные были прощены и отданы подъ присмотръ вотчиннаго начальства.

Управлявшій въ это время вотчинами нѣкій Александръ Божковъ задаясь цѣлью во что бы то ни стало искоренить нѣтовщину изъ среды подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Для этого онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ наложить двойной оброкъ на всѣхъ ея послѣдователей. Въ то же время, онъ сжогъ всѣ тѣ кельи, которыя были выстроены спасовцами въ лѣсу, а владѣльцамъ этихъ келій приказалъ переселиться въ село и жить вмѣстѣ со своими семействами.

Нѣтовцы просили Божкова освободить ихъ отъ двойнаго налога, обѣщаясь «не слушать впредь никакихъ зловредныхъ ученій». При этомъ, для прикрытія своихъ настоящихъ вѣрованій, большая часть спасовцевъ обратилась въ поповщину. Для исповѣди копенскіе раскольники стали ѣздить въ деревню Песковатку къ бѣглымъ попамъ, пріѣзжавшимъ туда изъ иргизскихъ монастырей; прочія же требы исправлялись приходскимъ священникомъ съ хожденіемъ посолонь, по желанію старовѣровъ.

Около этого времени въ средѣ нѣтовцевъ явился новый учитель и проповѣдникъ, крестьянинъ Исая Алексѣевъ. По обычаю того времени, онъ прикрывался юродствомъ: зимой ходилъ въ одной сорочкѣ, босой, бралъ руками раскаленные угли и разсказывалъ, что слышитъ на небѣ звонъ. Звонъ этотъ былъ не простой: онъ возвѣщалъ догматы и ученіе нѣтовщины. Разумѣется, явились послѣдователи, которые увѣровали въ святость Исая Алексѣева и начали подражать ему въ юродствѣ. Одна

крестьянка, Анна Иванова, вздумала, по примѣру учителя, щеголять зимой въ одной сорочкѣ, но несчастная жестоко поплатилась за свою отвагу: вскорѣ она найдена была замерзшей, безъ признаковъ жизни.

По этому поводу началось дѣло, и Исай Алексѣевъ былъ привлеченъ къ суду, какъ расколуучитель и совратитель. Это было въ 1818 году. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Алексѣевъ находился подъ судомъ, но проживалъ въ селѣ Копенахъ и не переставалъ проповѣдывать нѣтовщину. Къ этому времени освобожденъ изъ монастырскаго заключенія Егоръ Афанасьевъ и, возвратившись въ родное село, вмѣстѣ съ Алексѣевымъ началъ распространять ученіе спасова согласія. Сельское начальство не только не препятствовало дѣятельности проповѣдниковъ раскола, но даже укрывало ихъ и на требованіе свѣдѣній о раскольникахъ отписывало земскому суду, что въ селѣ Копенахъ совсѣмъ нѣтъ никакихъ раскольниковъ.

Тѣмъ не менѣе, въ 1822 году Алексѣевъ и Афанасьевъ были сосланы въ Сибирь за распространеніе раскола. Мѣра эта отнюдь, конечно, не могла помѣшать развитію нѣтовщины, а скорѣе, напротивъ, еще болѣе способствовала ея усилению, пробудивъ фанатизмъ въ послѣдователяхъ спасова согласія. Копенскіе нѣтовцы ждали только надежнаго руководителя, который бы далъ толчекъ, чтобы перейти отъ слова къ дѣлу. За руководителемъ дѣло не остановилось.

На сцену появляется старый, испытанный проповѣдникъ нѣтовщины, «страдалецъ» Алексѣй Юшкинъ, проведенный передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ на островъ Эзелъ. Будучи въ ссылкѣ, онъ имѣлъ тайныя сношенія съ своими послѣдователями, внимательно слѣдилъ за усилѣніемъ нѣтовщины и, между прочимъ, велъ дѣятельную переписку съ саратовскимъ купцомъ Ладонкинымъ, принадлежавшимъ къ спасову согласію. Счастливый случай помогъ ему освободиться изъ заключенія. На островъ Эзелъ какъ-то пріѣхалъ Императоръ Александръ Павловичъ; Юшкину, чрезъ посредство состоявшаго при императорѣ графа Кочубея, удалось вымолить себѣ прощѣніе. Государь приказалъ отпустить Юшкина на родину, съ учрежденіемъ за нимъ, однако, строгаго надзора со стороны вотчиннаго начальства.

Юшкинъ явился въ Копены около 1826 года вмѣстѣ съ «женщиною изъ почтоваго вѣдомства», Дарьей Кононовой, изъ секты спасова согласія. Эту Кононову Юшкинъ встрѣтилъ на пути,



возвращаясь изъ ссылки домой; онъ сошелся съ нею и прижилъ двоихъ дѣтей, изъ которыхъ одного, какъ показывала Кононова, по дорогѣ удушилъ, а другаго бросилъ въ колодезь. Управляющій вотчинными имѣніями, Галицкій, приказалъ безъ огласки выслать Кононову вонъ изъ Копенъ. Приказаніе было исполнено; вслѣдъ за Кононовою скрылся изъ села и Алексѣй Юшкинъ; но мѣсто его, какъ проповѣдника нѣтовщины, не осталось вакантнымъ: въ Копенахъ явился новый пронагандистъ «спасоваго согласія» — родной сынъ Алексѣя, Иванъ Юшкинъ.

О бѣгствѣ Алексѣя Юшкина началось дѣло, начались розыски, которые, однако, долгое время были безуспѣшны. Привлеченный къ допросу саратовскій купецъ Ладонкинъ показалъ, что «Юшкинъ умеръ и мы-де поминаемъ его за упокой». Только черезъ два года разнеслись слухи, что Алексѣй Юшкинъ и Дарья Кононова засыпались, при помощи другихъ, землей въ лѣсу между селами Карамышемъ и Атаевкою, въ урочищѣ, называемомъ Сокино. Здѣсь въ такъ называемой морельной горѣ дѣйствительно отыскана была пещера и въ ней два скелета, изъ которыхъ одинъ, по освидѣтельствованіи врача, оказался мужскимъ, а другой женскимъ.

Въ 1827 году около 60 человекъ нѣтовцевъ — изъ жителей села Копены рѣшились добровольно умереть, чтобы уготоваться царства небеснаго. Въ числѣ рѣшившихся умереть были цѣлыя семейства, — съ отцами, матерями, дѣтьми. И вотъ, въ назначенный день, начинается рѣзня. Крестьянинъ — нѣтовецъ, Александръ Петровъ, является въ избу своего сосѣда и единовѣрца, Игнатія Никитина, и убиваетъ его жену и дѣтей; затѣмъ съ топоромъ въ рукахъ онъ отправляется въ овинъ, гдѣ его ждали лица, обрекшія себя на смерть: крестьяне Яковъ и Моисей Ивановы съ дѣтьми. Они ложатся на плаху, а Александръ Петровъ рубить имъ головы топоромъ. Покончивши съ ними, Петровъ идетъ къ крестьянкѣ Настасѣ Васильевой; здѣсь на помощь ему является Игнатій Никитинъ, семью котораго только что предъ тѣмъ умертвилъ Петровъ. Въ то время, какъ Никитинъ убивалъ въ овинѣ Васильеву и ея товарокъ; Авдотью Ильину и Матрену Ѳедорову, Александръ Петровъ перерѣзалъ дѣтей Васильевой.

Свершивъ тройное убійство, Никитинъ бросилъ топоръ, легъ на плаху и просилъ Петрова отрубить ему голову. Петровъ не замедлилъ исполнить эту просьбу. Затѣмъ онъ отправился къ снѣхъ своей, Варварѣ Ѳедоровой, и началъ убѣждать ее подверг-

нутья смерти, причѣмъ сообщилъ ей, что дѣти ея уже убиты имъ въ овинѣ. Варвара бросилась въ овинѣ; чтобы взглянуть на трупы своихъ дѣтей; слѣдомъ за ней отправился и Петровъ. Здѣсь, среди человѣческихъ труновъ, плавающихъ въ крови, стояла толпа нѣтовцевъ, ожидая «смертнаго часа».

Петровъ, очевидно, не вынесшій потрясающихъ сценъ убійства и смерти, бросилъ топоръ, не окончивъ своей страшной миссіи, положилъ голову на плаху и умолялъ «прикончить» его. Иванъ Юшкинъ отточеннымъ топоромъ нанесъ ему смертельный ударъ... Нѣсколько семействъ сложили свои головы на плахѣ. Всего погибло, такимъ образомъ, *тридцать пять человекъ*. Проходившая мимо женщина случайно наткнулась на кровавое зрѣлище смерти; въ ужасѣ бросилась она на колокольню и ударила въ набатъ. Сбѣжался народъ, и это обстоятельство положило конецъ чудовищной драмѣ и спасло остальныхъ участниковъ ея отъ смерти.

Назначенное по этому поводу слѣдствіе открыло до 80 человекъ явныхъ послѣдователей нѣтовщины; изъ этого числа 50 человекъ «послѣ сильныхъ увѣщаній отказались отъ своего ученія, можно думать, притворно; остальные не сдѣлали даже и этого и остались упорными въ своемъ заблужденіи». Иванъ Юшкинъ не хотѣлъ слушать никакихъ увѣщаній; по наказанію, онъ сосланъ былъ въ каторжную работу \*). Такъ закончился рядъ кровавыхъ драмъ, вызванныхъ ученіемъ нѣтовщины.

Память объ этихъ драмахъ до сихъ поръ живетъ въ народѣ, въ чемъ пишущему эти строки удалось убѣдиться лично, во время пребыванія въ Саратовской губерніи въ 1881 году. Въ Саратовѣ намъ пришлось, между прочимъ, встрѣтить одного старика изъ г. Аткарска, который живо помнилъ эту исторію, помнилъ дѣйствующихъ лицъ и проч. Но особенно въ его памяти вѣздалась заключительная сцена этой драмы, — сцена на площади, съ позорной колесницей и эшафотомъ, на которомъ Иванъ Юшкинъ былъ подвергнутъ жестокому наказанію.

Прежде чѣмъ закончить настоящую главу, мы остановимся на одномъ явленіи, которое по своему характеру имѣетъ довольно много общаго съ ученіемъ глухой нѣтовщины. Явленіе это —

\*) Матеріаломъ для этого разсказа послужила, главнымъ образомъ, указанная выше статья *Православнаго Собесѣдника*, а также *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ* г. Варадинова.

*красная смерть*, — обычай, который приписывается послѣдователямъ секты бѣгуновъ или странниковъ.

Въ нашихъ газетахъ не разъ уже появлялись извѣстія объ этомъ обычаѣ, но такъ какъ всѣ эти извѣстія отличались обыкновенно полною голословностью и крайнею отрывочностью, то поэтому и проходили незамѣченными или же встрѣчались съ явнымъ и вполне заслуженнымъ, конечно, недовѣріемъ. Но въ томъ же 1883 года въ *Недѣлю* появилась анонимная статья подъ заглавіемъ *Голбечники*, въ которой приводился цѣлый рядъ фактовъ, подтверждавшихъ дѣйствительное существованіе обычая «красной смерти» у бѣгуновъ. Приводимъ здѣсь эти факты, какъ они изложены въ статьѣ о *Голбечникахъ* \*).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1882 года въ Ивановѣ, Владимірской губерніи, близъ станціи желѣзной дороги, гдѣ обыкновенно брали песокъ для полотна ея, нашли трупъ человѣка, завернутаго въ рогожу. Началось слѣдствіе. Оказалось, что это трупъ бѣгуна Ивана Китова, имѣвшаго въ Ивановѣ свою лавочку. Китовъ, человѣкъ лѣтъ 34-хъ, былъ женатъ на православной; она-то и была причиной возникновенія дѣла. Китовъ нѣсколько разъ уходилъ «на богомолье»; въ послѣдній разъ онъ долго не возвращался. Жена, безпокоясь за мужа, стала слѣдить за его родней (тоже изъ секты странниковъ) и замѣтила, что ночью понесли зарывать трупъ ея мужа. Она «доказала», т.-е. сдѣлала извѣстнымъ мѣсто его погребенія. Чѣмъ собственно окончилось это интересное дѣло, автору статьи не удалось узнать, но при слѣдствіи выяснилось, что въ теченіе 9-ти лѣтъ изъ семьи Китовыхъ пропали безъ вѣсти или «ушли на богомолье» *восемь человекъ*.

Подобнымъ образомъ пропадаютъ люди, по увѣренію автора цитируемой статьи, не въ одномъ Ивановѣ, но и въ Кинешемскомъ уѣздѣ, а также въ самой Кинешмѣ, и многіе знаютъ причину таковаго исчезновенія: они «воспріяли *красную смерть*», т.-е. были задушены съ ихъ же согласія. Таковой смертью умираютъ не одни голбечники, т.-е. странствующие бѣгуны, но и «жиловые», живущіе въ мирѣ бѣгуны. «Послѣднимъ, повидимому, такая смерть особенно необходима: если они при жизни пользовались всѣми благами міра, если они не несли на себѣ ига «житія страннаго и врагомъ гонительнаго»; то хоть предъ концомъ зем-

\*). «Голбечниками» называются въ Костромской губерніи странствующие бѣгуны.

наго странствованія должны претерпѣть мученія насильственной смерти, чтобы обрѣсти спасеніе души».

Воспринять «красную смерть» рѣшается обыкновенно человекъ старый или опасно заболѣвшій, мало надѣющийся на выздоровленіе. «Красной смерти» могутъ сподобиться не только «совершенные» или «жиловые» бѣгуны, но и православные, вступающіе въ голбечники передъ самымъ совершеніемъ надъ ними обряда задушенія и ради него: «все равно какъ схиму принимаютъ», — рассказывалъ одинъ крестьянинъ, повидимому, не выдавшій въ добровольномъ задушеніи себя «ради спасенія души» ничего ужаснаго. Рѣшившись умереть, «принять мученичскій вѣнецъ», православный или странникъ изъ «жиловыхъ» прощается со всѣми родными, затѣмъ отдаетъ себя въ руки голбечниковъ. «Совершенному» бѣгуну прощаться не съ кѣмъ: онъ уже давно порвалъ всѣ земныя связи и для него нужна только рѣшимость прервать земное существованіе.

Самый обрядъ совершенія «красной смерти» авторъ *Голбечниковъ* описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ пустой избѣ кладутъ приготовившагося къ смерти; съ нимъ остается только бѣгунскій наставникъ, читающій псалмы. Черезъ нѣкоторое время дворцы подполья распахиваются и появляется олицетвореніе «красной смерти»: — рослый, «корпусный» мужчина въ красной рубахѣ съ красной же подушкой въ рубахѣ... Онъ кладетъ на голову болящаго подушку и садится на нее, надавливая до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ задушеніе. Иногда случается, что, несмотря на мощь исполнителя задушенія, несмотря на твердую рѣшимость удушаемаго умереть, ужасная казнь не сразу удается, вопреки молитвамъ «вѣрующихъ» о «принятіи души мученика»: жизненные инстинкты преодолеваютъ фанатизмъ, и силачъ не въ силахъ сладить съ отчаянными усиліями несчастнаго удушаемаго. Тогда попытка снова повторяется, а «вѣрующіе» усиленно молятся о принятіи души. Но обыкновенно удушеніе удается сразу; олицетвореніе «красной смерти» скрывается въ подполье, а вошедшіе въ избу озабочиваются похоронами.

Отвѣтственность за справедливость всего изложеннаго здѣсь объ этомъ обычаѣ мы всецѣло возлагаемъ на автора указанной статьи, котораго мы лично знаемъ за человека вполне серьезнаго и правдиваго и который извѣстенъ въ печати нѣсколькими солидными статистическими работами въ области экономическихъ

вопросовъ. Но, вмѣстѣ съ этимъ, считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать слѣдующую оговорку.

Когда статья о *Голбечникахъ* сдѣлалась извѣстна въ Костромской губерніи среди бѣгуновъ и лицъ, близкихъ къ нимъ, то она вызвала среди ихъ цѣлую бурю негодованія. Всѣ эти лица, — какъ бѣгуны, такъ и люди, близкіе къ нимъ, хорошо знакомые со всѣми порядками секты, — были глубоко возмущены статьей, которую они называли не иначе, какъ клеветой, ни на чемъ рѣшительно не основанной, кромѣ сплетенъ досужихъ кумушекъ. Въ бесѣдахъ съ нами они выражали готовность фактически доказать полную несправедливость взведенныхъ на нихъ обвиненій и горячо и категорически утверждали, что обычай «красной смерти» есть не болѣе, какъ нелѣпый вымыселъ... Къ сожалѣнію, мы, за краткостью времени, проведеннаго нами въ Костромѣ, не имѣли возможности провѣрить справедливость этихъ заявленій.

## VII.

### Человѣческія жертвы.

И такъ, «ради спасенія», ради «царства небеснаго», фанатики-мистики убивали себя, убивали другъ друга, убивали каждаго, кто только выражалъ желаніе вмѣстѣ съ ними «воспріять мученическій вѣнецъ». Но этого мало. Они лишали жизни «во славу Христа» (какое страшное извращеніе великаго ученія!) дѣтей, малютокъ, которыя не могли, конечно, ни выражать согласія, ни протестовать противъ ихъ изувѣрскихъ замысловъ. Это называлось «принесеніемъ жертвы Богу». И что всего печальнѣе въ этомъ, такъ это то, что подобныя «жертвоприношенія» происходятъ до сихъ поръ и, притомъ, довольно часто.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1870 года въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, крестьянка деревни Ключиной, Ольховской волости, А — на М — ва, «принесла въ жертву» единственную и горячо любимую дочь свою Александру — малютку, которой только что пошелъ второй годъ отъ роду. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обдумывала она мысль о необходимости этой жертвы, которая, по ея убѣжденію, должна была спасти не только ея дочь — малютку, но и ее «самую великую грѣшницю».

А — на М — ва знала, что за такую жертву ее покарають земныя власти. Но ее ни мало не пугала отвѣтственность, ко-

торая грозила ей со стороны закона здѣсь, на землѣ, за подобную жертву. Напротивъ, она искала, она горячо желала испытать и перенести здѣсь «всѣ муки и страданія», чтобы этимъ снискать себѣ мученической вѣнецъ тамъ, на небѣ, гдѣ собственно и начинается настоящая-то жизнь.

Однажды въ праздникъ, — въ день памяти перенесенія мощей святителя Николая, — дочь А — ны почему-то проснулась раньше обыкновеннаго и своимъ плачемъ разбудила спавшую подлѣ нея мать. А — на встала, взявъ дочь на руки, утѣшила ее и пошла вмѣстѣ съ нею умываться. Умывшись, она разбудила старшую сноху свою, заставила ее управляться по хозяйству, а сама пошла въ клѣть, ради праздника зажгла тамъ свѣчи передъ иконами и, держа на лѣвой рукѣ дочь свою, стала въ такомъ положеніи молиться Богу. Во время молитвы ей снова приходитъ въ голову давно мучившая ее мысль о принесеніи въ жертву своего ребенка. Она подумала, что мысль эта пришла къ ней отъ самого Бога; это сознаніе необыкновенно обрадовало ее и она рѣшилась немедленно же привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе.

А — на оставила молитву и пошла вмѣстѣ съ ребенкомъ въ избу, гдѣ въ это время топилась печь. Улучивъ минуту, когда сноха вышла изъ избы на дворъ, она подошла къ печи и отодвинула стоявшую тамъ чугунку съ водой; очистивъ, такимъ образомъ, мѣсто въ печи, А — на со всего размаху бросила туда своего ребенка. Малютка при паденіи вострепнулась и упала сначала не далеко. Тогда мать беретъ клюку и «свое дитятко сердешное» подвигаетъ въ самое пламя.

Убѣдившись, что ребенокъ умеръ въ пламени, А — на прославила Бога, вышла изъ избы и занялась обычными дѣлами по хозяйству. Тѣмъ временемъ сноха возвращается въ избу и, ничего не подозрѣвая, беретъ клюку, чтобы, по обыкновенію, помѣшкать въ печкѣ, какъ вдругъ съ ужасомъ замѣчаетъ въ страшномъ пламени обгорѣлый, почернѣвшій и обезображенный трупъ ребенка... Вскорѣ вся семья узнала ужасную истину. Поднялся плачь, рыданія. Отецъ ребенка упалъ на лавку, вмѣстѣ съ вынутымъ изъ печи трупомъ дитяти. Въ эту минуту А — на, окончивъ свои занятія, входитъ въ избу.

При видѣ семьи, убитой горемъ, А — на вдругъ почувствовала страхъ, опустила бывший въ рукѣ ея подойникъ, присѣла у самыхъ дверей на лавку и задумалась. Но она скорѣ опра-

вилась, подошла къ семейнымъ и, отталкивая постепенно каждого изъ нихъ отъ трупа, говорила:

— Полноте-ко вы, полноте! Молитесь-ко вы лучше Богу, Пресвятой-то Богородицѣ, да матушкѣ-то аллилуїѣ!... Аллилуїа, аллилуїа, слава Тебѣ Боже! Аллилуїа, аллилуїа, слава Тебѣ Боже!

М—ва была, конечно, арестована и отдана подъ судъ. Къ сожалѣнію, въ печати, сколько намъ извѣстно, не было извѣстій о результатахъ слѣдствія и суда по этому дѣлу. Лишь въ *Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, хотя отчасти разясняющія мотивы этого чудовищнаго преступленія.

А—на М—ва имѣла около тридцати лѣтъ въ моментъ совершения преступленія. Въ дѣтствѣ она была воспитана своими родителями «въ строгихъ правилахъ единовѣрія». По свидѣтельству мѣстнаго священника Іоанна Мизерова, она, до самой катастрофы, «никогда и ничѣмъ не обнаружила своего отпаденія отъ св. церкви и хотя строго держалась правилъ единовѣрія, но была послушна православной церкви, ходила къ богослуженію и, какъ значится по исповѣднымъ росписямъ, бывала на исповѣди и у Св. Таинъ причастія». Замужъ она вышла за вдовца, крестьянина деревни Ключиной, М—ва, и, по отзыву его, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ жила съ нимъ въ мирѣ и согласіи, была весьма хорошая хозяйка и очень внимательная и попечительная мачиха къ своимъ пасынкамъ.

Отецъ Мизеровъ не разъ бесѣдовалъ съ А—ной М—вой въ то время, какъ она содержалась подъ арестомъ за свое преступленіе. «На всѣ мои вопросы,—писалъ по этому поводу о. Мизеровъ,—сверхъ всякаго моего ожиданія, арестованная отвѣчала мнѣ съ большою охотою и отвѣчала ясно, раздѣльно и довольно обдуманно. Никакихъ признаковъ умонзступленія я въ ней не замѣтилъ. Въ преступленіи своемъ она созналась съ перваго раза и хотя не принесла еще чистосердечнаго раскаянія, но, кажется, весьма близка къ этому... По всему видно, что А—на М—ва довольно простодушная и весьма довѣрчивая женщина, по крайней мѣрѣ, такой представилась она мнѣ съ перваго раза, и, по моему, это-то простодушіе и излишняя довѣрчивость А—ны и, была причиною ея несчастья».

Объясняя совершеніе М—вою преступленія вліяніемъ на нее расколоучителей, священникъ Мизеровъ приводитъ въ своей статьѣ

нѣкоторые свѣдѣнія о современномъ состояніи раскола въ Шадринскомъ уѣздѣ. По его словамъ, «въ послѣдніе два-три года по всей сѣверо-восточной части Шадринскаго уѣзда стало замѣтно какое-то особенное движеніе въ расколѣ... Раскольники какъ-то особенно засуетились, стали ожидать себѣ чего-то необыкновеннаго и все ближе и ближе начали сгучиваться около своихъ наставниковъ».

Причиною такого движенія было, какъ огазалось, появленіе новаго и небывалаго въ тѣхъ мѣстахъ ученія объ антихристѣ. По этому ученію, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ какихъ-то восточныхъ странахъ Перскія (ужь не Перскія ли?) земли отъ одной нечестивой жидовки родился отрокъ, который и есть антихристъ. Отрокъ этотъ скрывается въ настоящее время гдѣ-то въ горахъ, изъ которыхъ неожиданно, нежданно и явится въ міръ, какъ только достигнетъ 30-ти лѣтняго возраста.

Этого новаго ученія объ антихристѣ придерживалась и А—на М—ва. Въ бесѣдахъ своихъ съ священникомъ она высказывала ему, что въ скоромъ времени антихристъ будетъ царствовать въ мірѣ, но не духовно или мысленно, какъ думали до сихъ поръ раскольники, а чувственно, и что антихристъ этотъ уже родился отъ одной нечестивой дѣвицы-жидовки. Ученіе это, появившись въ началѣ въ Ольховскомъ единовѣрческомъ приходѣ (гдѣ жила А—на М—ва), вскорѣ распространилось по всей сѣверо-восточной части Шадринскаго уѣзда. Въ это время изъ среды раскольниковъ особенно выдѣлился по своему вліянію одинъ еще довольно молодой, грамотный крестьянинъ. Онъ приходился ближайшимъ родственникомъ А—ны М—вой, которая не задолго до убійства дочери довольно долго гостила у этого расколуучителя.

Родственникъ А—ны толковалъ и объяснялъ священное писаніе всѣмъ, кто только приходилъ къ нему. А ходили къ нему очень многіе крестьяне послушать его рассказы о какихъ-то «страстяхъ Христовыхъ». Отъ него-то наслушалась А—на М—ва рассказовъ о какой-то мнимой рабѣ Божіей «матушкѣ аллилуїѣ», которая будто бы, спасая отъ жидовъ Христа, подобно А—нѣ, бросила въ раскаленную печь своего груднаго ребенка и взяла къ себѣ на руки самого истиннаго Христа и тѣмъ спасла Его отъ преслѣдованія со стороны жидовъ. Вотъ этой-то «матушкѣ аллилуїѣ» и старалась подражать А—на М—ва \*).

\*) *Пермскія Епархіальныя Видомости* 1870 г., № 24.



Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ объ извѣстной «аллилуевой женѣ милосердой», стихъ о которой распѣвается на разные лады среди послѣдователей глухой иѣтовщины. Въ этомъ стихѣ разсказывается, что Христось-младенець, преслѣдуемый «жидами, книжниками, архіереями и злыми фарисеями», хотѣвшими предать его злой смерти, укрылся въ келью къ аллилуевой женѣ милосердой, которая въ это время топила печку, держа на рукахъ своего ребенка. Христось предложилъ аллилуевой женѣ бросить въ печь ея ребенка и взять на руки его, Христа. Едва она успѣла исполнить это, какъ къ ней въ келью ворвались жидаы и фарисеи и начали ее спрашивать: куда она спрятала Христа? Аллилуева жена указала въ печь; жидаы и фарисеи, увидавъ въ пламени аллилуева младенца, приняли его за Христа и возликовали отъ радости. Но вотъ заплѣли пѣтухи, и жидаы-антихристы пропали. Тогда совѣсть начинаетъ мучить аллилуеву жену милосердную, что она погубила своего ребенка, бросивши его въ печь. Она слезно плачетъ, громко причитаетъ:

Какъ возговорить ей Христось. Царь Небесный:  
«Охъ, ты гой еси, аллилуева жена милосерда,  
Загляни-ка ты въ печь во пламя».

Оказывается, что въ печи, вмѣсто огня, появляется «вертоградъ прекрасный»:

Въ вертоградѣ травонька муравая,  
Во травонькѣ ея чадо гуляетъ,  
Съ ангелами пѣсни воспѣваетъ,  
Золотую книгу евангельску читаетъ,  
За отца, за мать Бога молить.

Аллилуева жена поражена, а Христось, обращаясь къ ней, говоритъ:

«Охъ ты гой еси, аллилуева жена милосерда,  
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людаымъ,  
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,  
*Чтобы ради меня они въ огонь кидались,*  
*И кидали бы туда младенцевъ безиръшныхъ,*  
Пострадали бы всѣ за имя Христа-свѣта,  
Не давались бы въ прелесть хищнаго волка,  
Хищнаго волка, антихриста злаго.

Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую,  
 Погубить во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,  
 Поставить свою злую церковь и т. д. \*)).

Несмотря, однако, на этотъ призывъ, принесеніе дѣтей въ жертву чрезъ сожженіе случается сравнительно довольно рѣдко; гораздо чаще въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи пожа. Но бываютъ и совершенно оригинальные способы и формы подобныхъ жертвоприношеній.

Такъ, въ Суксунскомъ заводѣ, Пермской губерніи, одинъ крестьянинъ, — это было въ царствованіе Императора Николая Павловича, — принесъ въ жертву Богу двухъ своихъ дѣтей, которыхъ онъ зарылъ въ лѣсу въ муравейникъ. Его судили за это и онъ былъ наказанъ на эшафотѣ въ самомъ Суксунѣ. Мѣстные жители до сихъ поръ хорошо помнятъ это происшествіе \*\*).

Крестьянинъ Владимірской губерніи, Никитинъ, сжегъ свой домъ и въ немъ двухъ собственныхъ малютокъ, которыхъ передъ тѣмъ онъ только что зарѣзалъ ножомъ на горѣ, за селеніемъ. На допросахъ онъ хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись библіи, и совершилъ дѣтоубійство, подражая Аврааму, принесшаго въ жертву Богу сына своего Исаака, что въ то время, когда онъ кололъ дѣтей ножомъ, жена его, мать малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Никитинъ былъ, разумѣется, наказанъ и сосланъ въ Сибирь.

Дѣйствующими лицами въ подобныхъ случаяхъ чаще всего являются послѣдователи нѣтовщины или спасова согласія. Такъ, въ той же Владимірской губерніи, въ деревнѣ Слободищи, Вязниковскаго уѣзда \*\*\*)), крестьянинъ Михайль Федоровъ Куртинъ (57 лѣтъ), принадлежавшій къ сектѣ «спасова согласіе», зарѣзалъ родного сына своего, семилѣтняго мальчика Григорія, или, какъ онъ выражался на судѣ, «заклалъ сына своего въ жертву Спасу».

Дѣло о Куртинѣ производилось въ 1867 году во владимірской уголовной палатѣ. Куртинъ чистосердечно сознался въ своемъ преступленіи и подробно рассказалъ о мотивахъ, которые руководили его въ этомъ дѣлѣ.

\*) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ Варенцова. Сиб., 1860 г., стр. 175—76.

\*\*) Записано со словъ пермскаго старожилы М. М. Сыропятова.

\*\*\*) Удѣльная деревня Слободищи лежитъ при рѣчкахъ Кетяжъ и Вошкинскѣ, въ 19 верстахъ отъ уѣзднаго города, и состоитъ изъ 28 дворовъ.

— Я съ издѣтства состою въ спасовомъ согласіи, — говорилъ Куртинъ на допросѣ, — эту вѣру исповѣдывали мой отецъ и мать; ученіе этой секты перешло къ намъ отъ дѣда. На исповѣди и у св. причастія, по православному обряду, я никогда не бывалъ и женѣ своей не позволялъ, обративъ ее въ свою секту. Однажды, въ праздникъ знаменія Пресвятой Бѣгородицы, я долго молился и плакалъ о томъ, что *нѣтъ на землѣ людямъ спасенія, и все должны погибнуть*. Ночью печаль моя сдѣлалась такъ велика, что я не могъ уснуть ни на минуту, и нѣсколько разъ вставалъ съ постели, затепливалъ свѣчи предъ иконами и молился со слезами, на колѣняхъ, о своемъ спасеніи и спасеніи семейства своего отъ гибели вѣчной. Тутъ мнѣ пришла на умъ мысль спасти сына своего и такъ какъ сынъ мой, Григорій, семилѣтній, былъ очень рѣзвъ, веселъ и смышленъ не по лѣтамъ, то, опасаясь, что, послѣ моей смерти, сынъ мой развратится въ вѣрѣ и погибнетъ на вѣкъ въ гееннѣ вѣчной, я рѣшился его зарѣзать, чтобы тѣмъ приготовить ему вѣрный путь въ Царствіе Небесное. Съ мыслью зарѣзать сына, — продолжалъ Куртинъ, — я вышелъ на зарѣ въ заднія ворота и сталъ молиться на восходѣ, прося у Спаса знаменія, что если послѣ молитвы придетъ мнѣ снова мысль эта въ голову съ правой стороны, то я принесу сына Богу въ жертву, а если слѣва, то нѣтъ, такъ какъ, по мнѣнію нашему (т.-е. спасовцевъ), помыселъ съ правой стороны есть мысль отъ ангела, а съ лѣвой — отъ діавола. По окончаніи молитвы помыселъ этотъ пришелъ ко мнѣ съ правой стороны, и я съ веселиемъ въ душѣ возвратился въ избу.

Здѣсь, на конникѣ (родъ широкой лавки) сынъ его, Григорій, мирно спалъ вмѣстѣ съ матерью своею, Аграфеной Михайловной, которая страстно любила его за смышленность и умъ не по лѣтамъ. Куртинъ, опасаясь препятствій со стороны жены, разбудилъ ее и послалъ за овчинами въ деревню Перово, а самъ, оставшись наединѣ съ сыномъ, сказалъ ему: «Встань, Гришенька, надѣнь бѣлую рубашку; я на тебя полюбуюсь».

— У меня, тятя, нѣтъ такой рубахи, — отвѣчалъ Гриша. — Мама еще не сшила.

По показанію жены Куртина, мужъ ея за нѣсколько дней до этого приставалъ къ ней, чтобъ она сшила бѣлую рубаху сыну, но почему именно ему хотѣлось этого, она догадаться не могла.

— Надѣнь хоть мою бѣлую рубаху, — сказалъ Куртинъ сыну, — все равно.

— Хорошо! — отвѣчалъ мальчикъ и надѣлъ отцовскую бѣлую рубаху.

Куртинъ объяснилъ суду, что, по ученію спасова согласія, умирать въ пестрядинной и вообще цвѣтной рубахѣ — грѣхъ.

— Вотъ такъ! — сказалъ Куртинъ, когда надѣлъ на сына бѣлую рубаху. — Теперь ляжь, умница, на лавочку, я на тебя полюбуюсь.

Сынъ легъ на лавку въ передній уголъ. Отецъ заботливо подложилъ ему въ голову полушубокъ и присѣлъ къ нему. Затѣмъ поднялъ подолъ рубашки и, вынувъ спрятанный заранѣе въ рукавъ ножъ, онъ нанесъ имъ сыну нѣсколько ударовъ въ животъ. Мальчикъ затрепеталъ и началъ биться, причемъ постоянно натыкался на ножъ отца, вслѣдствіе чего на животѣ его оказалось множество ранъ. Тогда отецъ, желая прекратить страданія сына, разомъ распоролъ ему животъ сверху до низу... Мальчикъ потерялъ силу сопротивляться, но не умеръ въ тотъ же моментъ.

Заря, занимавшая на востокѣ, свѣтила убійцѣ въ окно при совершеніи имъ преступленія; но когда сынъ былъ зарѣзанъ, въ окнахъ вдругъ появились первые лучи восходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ упали на лицо невинной жертвы. Куртинъ, по его словамъ, при этой случайности, встрепенулся, руки его дрогнули, ножъ выпалъ изъ рукъ, и онъ упалъ на колѣни передъ образами съ молитвою, прося Бога принять милостиво новую жертву.

Сынъ, облитый кровью, еще дышалъ, когда отецъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Прости меня, Гришенька, Христа ради, за то, что я нанесъ тебѣ такую скорбь.

Умиравшій, но не потерявшій еще сознанія сынъ отвѣчалъ:

— Прощай, тятенька.

Но отецъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ: онъ поправилъ сына на лавкѣ и затѣмъ велѣлъ ему сказать слова: «Богъ тебя проститъ, батюшка».

Мальчикъ коснѣющимъ языкомъ повторилъ:

— Богъ тебя проститъ, батюшка!

— Тутъ я подумалъ, — объяснялъ Куртинъ на допросѣ, — что на томъ свѣтѣ сынъ мой назовется отрокомъ, а потому надобно

ему «уоставить звѣзды»; для этого я затеплилъ тотчасъ свѣчу къ образамъ и, молясь на исходѣ души сына, велѣлъ ему повторять за собою молитву: «Богородице дѣво, радуйся», что онъ и исполнилъ, прошептавши ее за мною слабымъ голосомъ. Послѣднія слова онъ, однако, не выговорилъ и вдругъ замолъкъ... Когда я стоялъ на колѣняхъ предъ образами и сынъ мой плавалъ въ крови, то вошла вдругъ въ избу возвратившаяся жена моя, и, съ перваго взгляда узнавъ все случившееся, упала отъ страха на землю предъ мертвымъ сыномъ.

Куртинъ, поднявшись съ пола, сказалъ женѣ: «Иди и объявляй обо всемъ старостѣ. Я сдѣлалъ праздникъ святымъ!»

Сбѣжавшіеся въ избу сосѣди нашли Куртина стоящимъ предъ образами и молящимся Богу.

Разумѣется, онъ немедленно былъ арестованъ и заключенъ въ острогъ. Здѣсь, не дождавшись рѣшенія суда, онъ умеръ, *уморивъ себя голодомъ* \*).

Убивать себя, убивать своихъ близкихъ, кровныхъ, дорогихъ людей,—все это такъ дико, такъ противно человѣческой природѣ, что невольно является вопросъ о психической нормальности субъектовъ, прибѣгающихъ къ подобнымъ изувѣрствамъ. Психиатры давно уже считаютъ подобнаго рода людей душевно-больными, субъектами «съ разстроенной психической сферой». Приводимъ случай, въ которомъ патологическій элементъ проявился съ особенной отчетливостью. Случай этотъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что тутъ дѣйствующимъ лицомъ является не послѣдователь какой-нибудь изувѣрской секты, а лицо протестантскаго вѣроисповѣданія, которое, какъ извѣстно, считается рационалистическимъ.

21 іюня 1883 года въ Финляндіи, въ мѣстечкѣ Туусула, Юландской губерніи, молодая 18-ти лѣтняя крестьянская дѣвушка, Марія Бакманъ, въ припадкѣ умопомѣшательства, *подъ вліяніемъ постоянныхъ религіозныхъ размышленій*, убила двухъ мальчиковъ, а потомъ и себя. Утромъ, въ день убійства, она была на работѣ съ родителями и ничѣмъ не обнаруживала душевнаго расстройства. Послѣ обѣда, когда сестра Маріи принялась мотать шерсть, а родители легли спать, она ушла въ отдѣльную комнату. Войдя черезъ нѣсколько времени въ общую избу съ крайне

\*) *Голосъ* 1867 г., № 253, корреспонденція изъ г. Владиміра, и *Новое Время* 1868 г., № 137, статья О. Ливанова.

мрачнымъ взглядомъ, она съ силой отодвинула столъ, схватила висѣвшій на стѣнѣ топоръ и, несмотря на сопротивленіе сестры, ударила имъ двухъ спавшихъ въ избѣ мальчиковъ. Проснувшіеся родители бросились къ раненымъ и унесли ихъ на дворъ, чтобы перевязать раны. Марія тѣмъ временемъ схватила бритву и нанесла себѣ глубокія раны въ шею. Потомъ, шатаясь и истекая кровью, она подошла къ своимъ жертвамъ, легла подлѣ нихъ и умерла.

А. Пругавинъ.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*